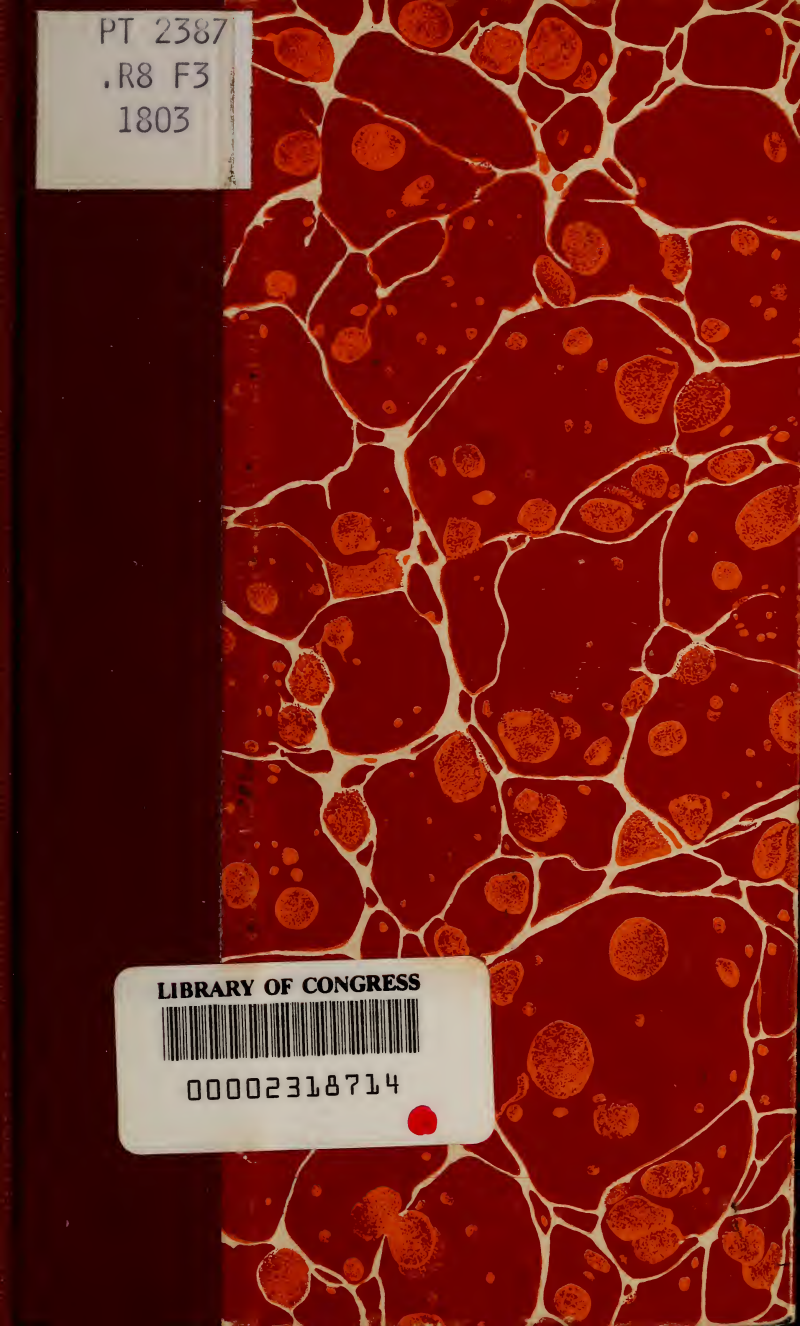
PT 2387
.R8 F3
1803



LIBRARY OF CONGRESS
00002318714

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

CYR4-PT48

YUDIN
OLLECTION

Kotzebue, August von

ЛОЖНОЙ СТЫДЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Com. 5433.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Совѣтникъ Флахсландъ.
Совѣтница, жена его.
Вильгельмина, дочь его отъ перваго брака.
Эмма, его воспитанница.
Гжа. Моро, Сестра Совѣтника.
Капитанъ Эрлахъ.
Фонъ Хигель, уѣздной дворянинъ.
Викомтъ де Мальякъ, эмигрантъ.
Фрелонъ, слуга его.
Иванъ, старой садовникъ Совѣтника.

PT2387
.R8F3
1803

88-180630
EPST
08/30/88

ЛОЖНОЙ СТЫДЪ,

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Иванъ (*стоя на лѣстницѣ и подрѣзывая деревья, попѣваетъ просебя и повременамъ говоритъ*) Вездѣ негодныя растѣнія! жаль, что не вездѣ ихъ обрѣзываютъ!.... Естьли бы мнѣ отдали на волю этихъ повѣсъ, которые безпрестанно здѣсь вертятся — ябъ остригъ и ихъ также, какъ эти деревья. — Бѣдной мой господинъ! прежде у него въ саду безпрестанно цвѣла радость, а теперь — все заросло терніемъ такъ, что ни одинъ лучь проникнуть не можетъ. — Каждой день новыя глупости, и онъ часъ отъ часу больше крушится и сохнетъ, какъ былинка.
(*Начинаетъ пѣть, продолжая свою работу*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ИВАНЪ и ЭММА.

Эмма (*проходитъ чрезъ театръ медленно, держа въ рукахъ чулокъ*). Здорово, Иванъ!

Иванъ. Здравствуйте, сударыня — что такъ рано вышли? теперь выпала роса — вы замочите ноги.

Эмма. Хорошая погода меня выманила. (*Уходитъ*).

Иванъ (*смотря за нею въ слѣдъ*). Прекрасной цвѣточикъ! — и всегда прячется въ травѣ. — Дай Богъ! чтобъ воробьи его не ощипали. — И наша барышня очень хороша — да много перенимаетъ у своей мачихи — а отъ этаго можетъ быть скоро начнутъ говорить, что она теперь не такъ хороша, какъ была прежде. (*Продолжаетъ пѣть*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ИВАНЪ и ФРЕЛОНЪ.

ФРЕЛ. Bon jour, maitre Jean!

(*Иванъ останавливается, смотритъ на него съ презрительною улыбкою и продолжаетъ пѣть*).

ФРЕЛ. (*подходитъ ближе и кричитъ*). Развѣ ты глухъ?

ИВАНЪ. Что тебѣ надобно?

ФРЕЛ. Я говорю, bon jour, maitre Jean!

ИВАНЪ. А я говорю: убирайся къ чорту.—Я не босурманъ, такъ со мною надобно говорить по людски—понимаешь ли ты меня мусье бонъ журъ?

ФРЕЛ. Maitre Jean всегда ворчитъ.

ИВАНЪ. Самъ ты maitre Jean. — Меня зовутъ Иваномъ; поди отъ меня прочь съ своимъ Французскимъ болтаньемъ.

ФРЕЛ. Иванъ — Иванъ— это похоже на ослиной крикъ.

ИВАНЪ. Я и теперь его слышу.

ФРЕЛ. Maitre Jean гораздо лучше звѣнитъ въ ухѣ.

ИВАНЪ. У васъ то и хорошо, что звѣнитъ— убирайся отсюда, мусье пустозвонъ — меня не острижешь.

Фрел. Да вить стригутъ овецъ, а не медвѣдей.

Иванъ. Такъ берегись медвѣжьихъ когтей. (*Начинаетъ пѣть, продолжая свою работу*).

Фрел. Maitre Jean сдѣлай милость, перестань пѣть — у тебя самой дурной голосъ.

Иванъ. Ктожъ тебѣ не велитъ отсюда уйти.

Фрел. Мой господинъ приказалъ мнѣ здѣсь дожидаться.

Иванъ. Ну — такъ стань въ горохъ и пугай воробьевъ, чтобы хоть одинъ разъ въ жизни быть на что нибудь полезнымъ.

Фрел. Эта шутка очень груба.

Иванъ. Вы ѣдите нашъ хлѣбъ, такъ за это должны слушать по крайней мѣрѣ нашу правду.

Фрел. (*махаясь платкомъ*). Нынче день жаркой.

Иванъ. Въ прудѣ много грязи—поди купайся.

Фрел. А propos? Этотъ прудъ надобно засыпать.

Иванъ. Что?

Фрел. Я говорю, что этотъ прудъ надобно засыпать.

(*Иванъ смотритъ на него съ презрительною усмѣшкою, начинаетъ пѣть и продолжаетъ работать*).

Фрел. Какъ скоро мой господинъ женится на вашей барышнѣ, то здѣсь все пойдетъ иначе.

Иванъ. Твой господинъ женится на барышнѣ?

Фрел. Да—да—онъ наконецъ рѣшился позабыть, чѣмъ долженъ свѣтлѣйшимъ своимъ предкамъ.

Иванъ. Право? но барышня не забудетъ никогда, чѣмъ она должна самой себѣ.

Фрел. A, mon ami! для Викомта сущая бездѣлица вскружить голову всякой барышнѣ.

Иванъ. Подлинно, что у нихъ вскружились головы, когда онѣ его при себѣ терпятъ.

Фрел. Respect, maitre Jean—мнѣ стоитъ сказать одно только слово, чтобъ привести тебя въ немилость у моего господина.

Иванъ. Неужто?

Фрел. Я сомнѣваюсь однакожъ, чтобъ онъ тебя оставилъ у себя въ службѣ.

Иванъ. Право?

Фрел. За огородомъ ты бы могъ присмотрѣть конечно — но, mon ami, у тебя совсѣмъ нѣтъ вкуса.

Иванъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Фрел. Деревья — шпалеры — тюльпаны — это все хорошо въ Голландіи — но мы этаго не любимъ — намъ надобны des vues frappantes, сюрпризы — эрмитажи — и тому подобное.

Иванъ. На силу пересталъ.

Фрел. Ты очень старъ, mon ami — мало видѣлъ хорошаго — Il faut lui passer son ignorance. Мы тебя-то жить оставимъ въ работникахъ — и выпишемъ Француза — ah, maître Jean — поучись-ка у него.

Иванъ. Мнѣ учиться? (*слѣзаетъ съ лѣстницы*).

Фрел. Онъ все здѣсь поставитъ верьхъ дномъ: изъ грязнаго этаго пруда сдѣлаетъ Діанину купальню, а изъ развалившейся теплицы Китайской кіоскъ.

Иванъ. Кіоскъ? ахъ ты проклятой пустомѣля!— (*Хватаетъ лейку и начинаетъ поливать ему ноги*).

Фрел (*прыгая*). maître Jean—maître Jean! — Что это значитъ?

Иванъ. Діанина купальня — Мусье бонъ-журъ.

Фрел Перестань, говорю я.

Иванъ. Коли это не по тебѣ, такъ полезай въ кіоскъ. (*Гоняетъ его по театру*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОВѢТНИКЪ и ПРЕЖНІЕ.

Совѣтн. Иванъ! — что ты дѣлаешь?

Иванъ. Поливаю негодную траву.

Совѣтн. Да знаешь ли, чей это человѣкъ?

Иванъ. Знаю — каковъ господинъ, таковъ и слуга.

Фрел (*отирая платкомъ ноги*). Maître Jean великой проказникъ.

Совѣтн Гдѣ твой господинъ?

Фрел. Я думаю, что онъ еще на балѣ.

Совѣтн. (*съ принужденною улыбкою*). Браво! — видно, онъ охотникъ танцовать.

Фрел. Онъ отослалъ меня на разсвѣтъ и приказалъ дожидаться здѣсь.

Совѣтн. Вѣрно господинъ Викомтъ пріѣдетъ вмѣстѣ съ моей женой?

Фрел. Онъ умѣетъ жить.

Совѣтн. Весело ли тамъ было?

Фрел. Чрезвычайно. — Госпожа Совѣтница танцуетъ, comme un Ange — а Вильгельмина, comme un Zéphyr.

Совѣтн. Я думаю, собраніе очень велико!

Фрел. O! il y a beaucoup du monde.

Совѣтн. (*скрывая свое неудовольствіе*). Какъ бы она не простудилась....

Фрел. Она отослала свой фаэтонъ потому, что господинъ фонъ-Хигель предложилъ ей свою карету.

Совѣтн. фонъ-Хихель? — онъ здѣсь — какъ я радъ!

Фрел. Вчера ввечеру прискакалъ онъ во весь опоръ—скочилъ съ лошади! и полетѣлъ на балъ — Ventre sanguis, maitre Jean меня такъ вымочилъ, что я принужденъ просить позволенія переодѣться. (*Уходитъ, шаркая ногами*).

ЯВЛЕНІЕ V.

СОВѢТНИКЪ и ИВАНЪ.

Совѣтн. Иванъ — я теперь былъ у бассеина — не знаешь ли ты, для чего тамъ всѣ деревья увѣшаны гирляндами?

Иванъ. Супруга ваша приказала — у меня въ саду выщинали для этаго всѣ цвѣты.

Совѣтн. Что это значитъ?

Иванъ. Не знаю, сударь! барыня что-то хочетъ сдѣлать — повѣса, которой теперь только отсюда вышелъ, назвалъ мнѣ это по Французски, а мусье Розапъ, нашъ парихмахеръ, перевелъ — и вышло — ха! ха! ха! — танцующій завтракъ. Повара цѣлую ночь готовили кушанье, а дѣвки терли шоколадъ.

Совѣтн. (*съ принужденною холодностію*). Право? . . . . (*Вздыхаетъ*).

Иванъ. Не прогнѣвайтесь, сударь! на меня, я—старой вашъ слуга — и помню какъ вы на свѣтъ родились. — Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ любили вы угождать другимъ— и часто противъ воли вашей игрывали съ дѣтьми для того только, чтобъ имъ сдѣлать удоволь-

ствіе — но на лицѣ вашемъ видно было тогда, также какъ и теперь. . . Вы меня понимаете. . . . Ради Бога, не сочтите это за обиду.

Совѣтн. (*улыбаясь*). Естьли я въ ребячествѣ дѣлалъ моимъ товарищамъ снисхожденіе, то для чегожъ теперь не сдѣлать женѣ моей?

Иванъ. Для мальчика легче это, нежели для взрослаго. Молодое дерево гнется, а старое ломается; кто двадцать пять лѣтъ съ ряду жилъ тихо и спокойно, тотъ — не скоро можетъ привыкнуть къ шуму большихъ компаній.

Совѣтн. Жена моя молода, а мнѣ ужъ за сорокъ лѣтъ. Я тѣмъ болѣе долженъ стараться угождать ей. (*Съ жаромъ*) Да, она и стоитъ этаго — рѣдкая женщина.

Иванъ. Правда, сударь — я желалъ бы только, чтобъ она не мѣшалась въ мои дѣла —

Совѣтн. Что ты говоришь?

Иванъ. Ахъ, сударь! этотъ садъ кажется мнѣ раемъ — покойной мой отецъ — дай Богъ ему царство небесное! — началъ разводить его. Я въ немъ ро-

дился и выросъ — и не выходилъ ни на шагъ, кромѣ того, что два года прожилъ въ Голландіи для науки. Всякой цвѣтокъ здѣсь посаженъ моими руками, и эти большія деревья были тоненькими прутиками. Тамъ за лугомъ есть мѣсточко — его отсюда не видно; тамъ ростутъ нѣсколько березъ, подъ которыми я въ вечеру куривалъ тобакъ —

Совѣтн. Ну — далѣе. —

Иванъ. Тамъ—думалъ я — когда нибудь выпрошу у васъ позволенія схоронить себя . . .

Совѣтн. Изволь — старикъ— изволь.

Иванъ. Но почему знать, долго ли простоятъ эти березы— Барыня говоритъ, что надобно заборъ разломать, лугъ усадить молодыми деревьями — сдѣлать кривыя дорожки — бесѣдку — посѣять нѣсколько пшеницы — и Богъ знаетъ, что еще — можетъ быть эти березки помѣшаютъ.

Совѣтн. Ихъ никто не тронетъ.

Иванъ. Кто ихъ будетъ беречь, естьли ужъ не жалѣютъ этихъ липъ.

Совѣтн. Какихъ липъ?

Иванъ (*указывая на двѣ сплетенныя липы*). Развѣ вы позабыли, какъ посадили ихъ съ сестрицей въ день рожденія вашей матушки.

Совѣтн. О! я это очень помню!

Иванъ. Вы оба были тогда въ ребячествѣ, не выше этаго кустарника — сестрица ваша нѣсколько поболѣе — Посадивши вѣточки въ землю, подали вы чрезъ нихъ другъ другу руки и поцѣловались, а матушка ваша, утирая слезы, сказала мнѣ: Иванъ! — присматривай за этими деревцами — я исполнилъ ея приказаніе: онѣ выросли — стали большими деревьями, и теперь хотятъ ихъ срубить; нѣтъ — нѣтъ — я за это не возмусь — у меня рука не поднимется.

Совѣтн. Да кто же тебя заставляетъ срубить ихъ?

Иванъ. Барыня говоритъ, что эти липы отнимаютъ видъ, когда смотрятъ изъ бесѣдки. . .

Совѣтн. Чтобъ ихъ никто не смѣлъ трогать — слышишь ли!— я тебѣ приказываю.

Иванъ. Слышу, сударь.

Совѣтн. Это одно и есть, что можетъ мнѣ привести на память сестру мою.

Иванъ. Къ сожалѣнію, это правда.

Совѣтн. Жена моя вѣрно этаго не знала.

Иванъ. Можетъ быть. Она вчера сказала это еще въ первой разъ.— Я думаю, что ей модной Господинъ Французъ присовѣтовалъ— онъ безпрестанно около ее прыгалъ и вертѣлся, такъ, что передавилъ у меня огурцы и испортилъ кустъ земляники. Кажется, что барыня его очень жалуетъ.

Совѣтн. (*съ чувствительностію*). Тебѣ кажется.

Иванъ. Только онъ ей не подъ пару.

Совѣтн. Говорятъ, что онъ веселой человѣкъ.

Иванъ. Да, онъ умѣетъ болтать, такъ какъ и Мусье его Валет-шамбръ —онъ поговариваетъ и о свадьбѣ....

Совѣтн. (*скоро*). О какой?

Иванъ. Мнѣ и говорить не хочется —я не вѣрю ни одному слову всего ихъ вранья.

Совѣтн. (*про себя*). Ужъ и слуги говорятъ объ этомъ? (*Хочетъ говорить, но*

удерживается). Полно, Иванъ — я—тебѣ помѣшалъ работать. Я думалъ, что никого нѣтъ въ саду и что я приду первой.

Иванъ. Нѣтъ сударь — Госпожа Эмма сидитъ здѣсь около получаса —

Совѣтн. Эмма! гдѣ она?

Иванъ. Тамъ, въ розовыхъ кустахъ, вяжетъ чулокъ.

Совѣтн. (*кричитъ ей изъ дали*). Здравствуй, Эмма!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЭММА и ПРЕЖНІЕ.

(*Въ продолженіе сей сцены Иванъ мало по малу удаляется съ своею работою и наконецъ совсѣмъ теряется изъ виду*).

Эмма. Здравствуйте, батюшка — я не знала, что вы ужъ встали.

Совѣтн. Я и самъ думалъ, что ты еще спишь, и напрасно прокрадывался мимо твоей спальни, чтобъ тебя не разбудить.— Что дашь, я скажу тебѣ радостную вѣсть.

Эмма. Что я могу вамъ дать? вы шутите — Что бы я вамъ ни дала, все это значило бы отдать обратно— потому, что я все, что ни имѣю, получила отъ васъ.

Совѣтн. Отъ меня? нѣтъ — ты мнѣ ничѣмъ не обязана, кромѣ того, что живешь въ моемъ домѣ. За все другое платитъ странной мой пріятель, не смотря на то, что самъ мало получаетъ жалованья.

Эмма. Не ужли онъ въ состояніи заплатить за отеческую любовь вашу?

Совѣтн. За это ты сама мнѣ заплатишь— Я восхищаюсь, воображая, что у меня двѣ дочери—и даже принужденъ досадовать, что сего дня долженъ подѣлиться съ другимъ правами на твое сердце.

Эмма. Сего дня?

Совѣтн. Да—да— сего дня пріѣдетъ къ намъ Эрлахъ.

Эмма Пріѣдетъ—сего дня пріѣдетъ —мой избавитель— мой благодѣтель— по прошествіи осьми лѣтъ — Батюшка! точно ли онъ пріѣдетъ?

Совѣтн. Такъ пишетъ онъ по своему обыкновенію въ трехъ строкахъ. —

Это извѣстіе такъ меня удивило, потому что онъ при началѣ компаніи никогда не просился въ отпускъ.

Эмма. Я едва могу вспомнить черты лица его — О! естьли бы онъ уже пріѣхалъ!... Я пойду къ нему — на встрѣчу. — По какой улицѣ онъ поѣдетъ?

Совѣтн. По чему я знаю: онъ очень рѣдко означаетъ въ своихъ письмахъ и число и мѣсто. — Вотъ читай: „при „этомъ письмѣ получишь ты деньги „для Эммы, а въ слѣдующій четвергъ я „и самъ пріѣду.„ Больше ничего.

Эмма. Очень немного, но оно ознаменовано благодѣяніемъ. Да, ему нѣтъ и времени писать; онъ долженъ дѣйствовать. — Не правда ли батюшка, что онъ считаетъ тотъ часъ потеряннымъ, въ которой не сдѣлаетъ какого нибудь добраго дѣла?

Совѣтн. Кроткая Эмма начинаетъ горячиться — это мнѣ пріятно.

Эмма. Онъ избавилъ меня отъ смерти! — Онъ цѣлые восемь лѣтъ дѣлилъ со мною малое свое жалованье..... Ахъ! можно ли объ этомъ вспоминать

безъ слезъ, — я люблю его всемъ сердцемъ.

Совѣтн. Онъ того и стоитъ. О! естьлибъ тебѣ удалось истребить въ немъ ненависить къ женщинамъ. — Да и въ самомъ дѣлѣ — чѣмъ больше я на тебя смотрю, тѣмъ вѣрнѣе этаго надѣюсь. . . Какъ ты думаешь, Эмма? Ты его знаешь: можетъ быть только забыла черты лица его — я тебѣ скажу, что и наружность его благородна.

Эмма. Естьли бы онъ былъ и дуренъ по наружности — то доброта души можетъ все это загладить.

Совѣтн. Такъ ты не откажешься —

Эмма. Вы шутите, батюшка — и хотите позабавиться моимъ смущеніемъ; однакожъ вы не знаете, что ваша шутка въ состояніи питать романическую мысль, которая давно у меня въ головѣ поселилась.

Совѣтн. Что такое, любезная Американочка? скажи.

Эмма. Въ прекрасные вечера я уходила иногда изъ веселыхъ вашихъ собраній въ темную буковую аллею и занималась пріятнымъ мечтаніемъ, какъ бы мнѣ отблагодарить своего благо-

дѣтеля и доставить ему веселую старость .... но . . . я начинаю заговариваться.— Вотъ ужь изъ гостей пріѣхали. . . Вы видѣли сердце мое безъ покрова, но эти разряженные господа не должны застать его неодѣтымъ.

(*Убѣгаетъ*).

Совѣтн. Наконецъ пріѣхали .... однакожъ не ко мнѣ.... а къ своему dejeuné dansant.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА, фонъ ХИГЕЛЬ и СОВѢТНИКЪ.

Вильгел. Здравствуйте, батюшка— я бы лучше хотѣла сказать: прощайте—и лечь спать.

Совѣтн. Развѣ ты устала?

Вильгел. До смерти.

Совѣтн. Господинъ фонъ Хигель! я очень радъ, что вижу васъ здѣсь въ такое время, въ которое совсѣмъ не ожидалъ.

Ф. Хигель. Вы правду говорите — весною въ деревнѣ такъ занимательно,— такъ пріятно. . . .

Вильгел. Мы должны тѣмъ болѣе благодарить васъ, что вы все это оставили для удовольствія протанцовать съ нами контраданецъ.

Ф. Хигель. Естьли бы моя компанія сдѣлала вамъ какое нибудь удовольствіе, то это превзошло бы все мое ожиданіе.

Вильгел. Излишняя скромность похожа на тщеславіе. Знаете ли, батюшка, что этотъ господинъ, которой прежде всегда сидѣлъ въ углу и смотрѣлъ, какъ другіе прыгали, наконецъ по высокому моему повелѣнію долженъ былъ стать со мной въ послѣдней парѣ въ контрадансъ, однакожъ съ уговоромъ тотчасъ отстать, естьли ему туры трудны покажутся. — Я думала, что Господинъ философъ повиснетъ у меня на рукѣ какъ свинецъ, но онъ началъ летать чрезъ ряды, какъ ученикъ великаго Вестриса. — Ну, сударь, теперь скажите мнѣ, для чего вы до сихъ поръ дѣлались такимъ неразвязнымъ и неповоротливымъ?

Ф. Хигель. Я никогда не танцовалъ въ публичныхъ собраніяхъ — городскіе

жители очень любятъ посмѣяться надъ деревенскими.

Совѣтн. Я въ васъ не нахожу никакого порока, кромѣ ложнаго стыда.

Вильгел. Это еще не все, батюшка —за столомъ сидѣла я подлѣ него, наливала ему иногда вина и разговаривала съ нимъ очень ласково — вдругъ — не знаю отъ вина, или отъ моей ласковости, началъ онъ разговаривать, и говорилъ такъ разумно— такъ трогательно, что я почти забыла, что сижу въ храмѣ глупости. — Скажите, сударь, отъ чего вы прежде были такъ молчаливы?

Ф. Хигель Потому что въ большихъ собраніяхъ и не примѣтишь, какъ проговоришься.

Вильгел. Да для того-то и бываютъ большія собранія, чтобъ всякой могъ говорить глупости. Что въ маленькихъ кругахъ называется скромностью, то въ большомъ свѣтѣ будетъ ложной стыдъ; платье должно тамъ блистать, а разговоры гремѣть — напротивъ того дома отъ платья требуютъ теплоты, а въ словахъ смыслу.

Совѣтн. (*осматриваясь съ безпокойствомъ*). Гдѣ ты оставила мать?

Вильгел. Она думала, что вы еще въ постелѣ, и побѣжала въ спальню, чтобъ разбудить васъ поцѣлуемъ.

Совѣтн. Одна?

Вильгел. Одна! развѣ можно отвязаться отъ Господина Викомта, не сказавши ему: убирайся къ чорту.

Совѣтн. И такъ онъ пошелъ съ нею?

Вильгел. За нею; не нашедши васъ тамъ, они вѣрно придутъ сюда.

Ф. Хигель. Вотъ они! (*Совѣтникъ становится веселѣе и спѣшитъ къ женѣ на встрѣчу*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СОВѢТНИЦА, ВИКОМТЪ и ПРЕЖНІЕ.

Викомтъ. Господинъ Совѣтникъ — nous voila!

Совѣтн. (*женѣ*). Здравствуй, душа моя — хорошо ли повеселилась?

Совѣтница. Очень хорошо—я нашла тамъ двухъ старинныхъ знакомокъ, съ которыми цѣлой вѣкъ не видалась. Онѣ тебѣ кланяются и просятъ не сер-

диться, что такъ долго меня удержали.

Совѣтн. Мнѣ все то пріятно, что тебѣ дѣлаетъ удовольствіе.

Викомтъ. Браво, браво! Vivent les maris raisonnables!

Совѣтница. Не скучно ли тебѣ было безъ меня?

Совѣтн. Сердцу моему всегда безъ тебя скучно.

Викомтъ. Безподобно! — настоящей Французской оборотъ!

Совѣтница. За то я нынѣче цѣлой день съ тобой останусь. Я пригласила къ себѣ человѣкъ съ двадцать гостей — тамъ — въ алеѣ, будемъ мы завтракать, и станемъ воображать, будто мы въ Пирмонтѣ.

Викомтъ. Ха! ха! ха! браво! прекрасная выдумка!

Совѣтница (*кланяется*). Выдумка моя благодаритъ васъ.

Викомтъ. Въ самомъ дѣлѣ, милостивыя государыни, я не ожидалъ такъ много отъ здѣшнихъ дамъ. Мнѣ вложили объ нихъ въ голову ужасныя идеи. — Пятнадцатилѣтняя дѣвушка, говорили мнѣ, краснѣетъ отъ робо-

сти, когда ей надобно скинуть перчатку, и за обѣдомъ прячетъ руки подъ столъ: сидитъ, какъ нѣмая подлѣ свѣтскаго человѣка, или шепчетъ что нибудь на ухо своей подругѣ, умирая со смѣху. Осьмнадцатилѣтняя—съ заплаканными глазами утопаетъ въ морѣ чувствительности, говоритъ, что у ней есть inclination, и полагаетъ вѣрность къ своему любезному въ томъ, что обходится съ другими грубо. Двадцатилѣтняя — въ доказательство своей добродѣтели, съ дѣтскою робостію отступаетъ назадъ, какъ скоро подходитъ къ ней мущина, и зѣваетъ, естьли онъ начнетъ говорить ей что нибудь — нѣжное. Женщика въ двадцать пять лѣтъ. . . .

Совѣтница. Не пора ли вамъ отдохнуть. . . .

Викомтъ. Я напишу противъ этаго цѣлую энциклопедію — и естьли мнѣ удастся возвратиться во Францію, то — бѣда насмѣшнику, которой вздумаетъ сказать bon mot на щетъ здѣшнихъ дамъ.

Вильгел. Барышни на васъ осердятся, естьли вы будете защищать однѣхъ дамъ.

Викомтъ. По чести, здѣшняя земля обязана эмигрантамъ своимъ просвѣщеніемъ. — Революція надѣлала много зла на Югѣ, но за то на Сѣверѣ распространила вкусъ и знанія.

Вильгел. Ваша правда, сударь — обыкновенная здѣшняя дѣвушка насмѣялась бы вамъ въ глаза — но я, начиная чувствовать всю прелесть вашего обхожденія, должна сдѣлать вамъ поклонъ и поскорѣе уйти.

(*Уходитъ*).

Викомтъ. Ха! ха! ха! браво!

Совѣтникъ. Вильгельмина! куда ты?

Вильгел. (*воротясь*). Ахъ! Боже мой — мнѣ надобно непремѣнно сыскать Эмму и все ей разсказать. Дѣвушка, пріѣхавши съ бала, ни въ чемъ больше не находитъ удовольствія, какъ въ разсказахъ, что тамъ видѣла и слышала, хотя бы это продолжалось болѣе недѣли.

Викомтъ (*вскрикиваетъ и хватаетъ себя за плечо*). Что это? дождикъ?

Совѣтница Нѣтъ, сударь—на небѣ очень ясно — и кажется, что нашему празднику никакой помѣхи не будетъ.

Викомтъ. Покорно прошу посмотрѣть—вотъ пятно на новомъ моемъ фракѣ.

Совѣтница. Можетъ быть это капнуло съ дерева.

Викомтъ. Сударыня—вы еще вчера осудили на смерть эти несносныя деревья.

Совѣтн. (*женѣ*). Другъ мой, я тебя прошу пощадить ихъ.

Совѣтница. Развѣ онѣ вамъ нравятся?

Совѣтн. Чрезвычайно.

Совѣтница. Я этаго не знала.

Совѣтн Мы съ сестрою вмѣстѣ посадили ихъ.

Совѣтница (*съ удивленіемъ*). Съ сестрою! у тебя есть сестра?

Совѣтн. Была — но жива ли она теперь, не знаю.

Совѣтница. Ты мнѣ не говорилъ объ этомъ ни слова.

Совѣтн. Прости меня — я опасался раскрыть прежнія раны.

Совѣтница. Да я и отъ родственниковъ твоихъ ни разу объ ней не слыхала!

Совѣти. Родственники мои не говорятъ объ этомъ изъ ложнаго стыда.— Она полюбила противъ воли своихъ родителей молодаго купца изъ Ліона— сдѣлалась преступницею и убѣжала; — тому уже двадцать два года, какъ она умерла для насъ. — Большая часть моей фамиліи ее уже позабыла; но я — я никогда не забуду.

Викомтъ. Изъ Ліона?... изъ Ліона?... я тамъ родился — о! Ліонцы опасные люди!

Совѣтница (*ласкаясь къ мужу*). Другъ мой! я дурно сдѣлала, но и ты не совсѣмъ правъ, что скрывалъ отъ меня такъ долго это приключеніе. Теперь я беру эти липы подъ свое покровительство. Господинъ Викомтъ! прошу прощенія у вашего фрака.

Викомтъ. Однакожъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ надобно перемѣнить платье.

Совѣтница (*треплетъ мужа по плечу съ улыбкою*). Для женщинъ это благородное упражненіе всего пріятнѣе — время ужъ и мнѣ повидаться съ туалетомъ.

Совѣти. Позволь мнѣ проводить себя.

Викомтъ. Фи, Господинъ Совѣтникъ — это очень грубо — съ вашимъ позволеніемъ. — (*Подаетъ ей руку*).

Совьтница. Я еще не такъ давно въ вашей школѣ—и не могу отвыкнуть отъ старинной привычки. (*Беретъ мужа за руку*). До свиданія, милостивые государи.

Совьтн. (*отходя*). Я тотчасъ опять къ вамъ буду.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВИКОМТЪ и фонъ ХИГЕЛЬ.

Викомтъ. Браво! вотъ самой странной анекдотъ!

Ф. Хигель. Сожалѣю о Французахъ, естьли они такіе поступки считаютъ за анекдоты.

Викомтъ. Да чтожъ это такое! самой пастушеской романъ, или повѣсть изъ сочиненій d Arnaud.

(*Ф. Хигель пожимаетъ плечами*).

Викомтъ. Вы пожимаете плечами— позвольте сказать, что ваши пріемы совсѣмъ мнѣ не нравятся.

Ф. Хигель. Сожалѣю.

Викомтъ. Сколькобъ при васъ ни говорили — чтобъ ни разсказывали, какъ бы ни блистали умомъ—все безъ пользы — вы сидите въ углу — какъ будто ничего не видите и не слышите — это — ни на что не похоже. Надобно учиться жить.

Ф. Хигель. Я бы не желалъ имѣть такого учителя.

Викомтъ. Да что же изъ васъ будетъ, сударь! въ ваши лѣта — съ вашею фигурою надобно имѣть— больше смѣлости.— У васъ прекрасные зубы— вы должны поминутно смѣяться — у васъ большіе глаза — вы должны пристально смотрѣть — у васъ изрядной ростъ; но вы не умѣете дѣлать тѣхъ пріятныхъ изгибовъ, которые приводятъ въ восхищеніе дамъ— волнистая линія есть линія красоты: молодой человѣкъ ихъ долженъ формировать руками, ногами и — всѣмъ тѣломъ.

Ф. Хигель (*съ улыбкою*). Я имѣлъ нещастіе воспитываться въ Кадетскомъ Корпусѣ.

Викомтъ. Это и видно; не такъ легко сдѣлать васъ ловкимъ. Одна-

кожѣ, mon cher ami, естьли вы согласитесь отдаться моему руководству. . .

Ф. Хигель. Много чести.

Викомтъ. Только съ условіемъ —

Ф Хигель Съ какимъ?

Викомтъ. Я замѣтилъ, что вы бросали дерзкіе ваши взоры на дѣвицу Флахсландъ.

Ф. Хигель. Дерзкіе — подлинно великая дерзость полюбить такую прекрасную дѣвицу!

Викомтъ. Такъ вы ее любите?

Ф. Хигель. Я не стыжусь признаться въ благороднѣйшемъ чувствованіи моего сердца.

Викомтъ. Даже и ей самой?

Ф. Хигель. Я не знаю, сударь, по какому праву —

Викомтъ. По какому праву— Parbleu! я хочу на ней жениться.

Ф. Хигель. И я также.

Викомтъ. Она богата — хороша — жива.

Ф. Хигель. Она добра — разумна — любезна.

Викомтъ. Я сдѣлаю ее Викомтессою.

Ф. Хигель. А я госпожею фонъ Хигель.

Викомтъ. Ей не льзя быть вмѣстѣ и тѣмъ и другимъ.

Ф. Хигель. Да можетъ быть и не сдѣлается ни того, ни другаго.

Викомтъ. Entre nous, mon cher ami, parlons raison.

Ф. Хигель. Съ охотою, естьли это вамъ непротивно.

Викомтъ. Вильгельмина будетъ моею женою.

Ф. Хигель. Я смѣю объ этомъ поспорить съ вами.

Викомтъ. Даже и тогда, естьли я вамъ скажу, что послѣ свадьбы нимало женировать васъ не буду?

Ф. Хигель. Что это значитъ?

Викомтъ. Au contraire, вы меня обяжете, естьли станете играть роль Чичизбея у жены моей.

Ф. Хигель. Я этому не учился въ Кадетскомъ Корпусѣ.

Викомтъ. Любите ее сколько хотите — вздыхайте — волочитесь — даже не дожидайтесь, пока пройдутъ первые дни — ami de la maison всегда съ удовольствіемъ будетъ принятъ.

Ф. Хигель. Слуга покорной!

Викомтъ. Только до свадьбы прошу васъ держать себя нѣсколько въ отдаленіи.

Ф. Хигель. Крайне сожалѣю, что этому противится мое сердце.

Викомтъ. Но я васъ о томъ прошу, сударь — понимаете ли! Тонъ, которымъ я говорю, довольно показываетъ вамъ, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ мнѣ un refus.

Ф. Хигель. Путь любви также пространенъ, какъ и путь чести — одинъ другому не мѣшаетъ — и кто увѣренъ въ своихъ достоинствахъ такъ, какъ вы, тому нѣчего бояться.

Викомтъ (*съ насмѣшкою*). Бояться — развѣ я боюсь — совсѣмъ не то — я не могу терпѣть ни въ чемъ соперника.

Ф. Хигель. Однакожъ на этотъ разъ пожалуйте согласитесь.

Викомтъ. Нѣтъ, государь мой — не хочу—этаго не будетъ.

Ф. Хигель. Это ужъ что-то по диктаторски.

Викомтъ. Вы заставляете меня выйти изъ границъ учтивости.

Ф. Хигель. Пусть Вильгельмина сама рѣшитъ нашъ споръ.

Викомтъ. Я не возьму въ судьи ни одной женщины, пока есть у меня шпага.

Ф. Хигель. Я не охотникъ до Рыцарскихъ романовъ.

Викомтъ. Тѣмъ хуже для васъ — намъ надобно будетъ драться.

Ф. Хигель. Я давно уже повѣсилъ на стѣну свою шпагу.

Викомтъ. Такъ я совѣтую вамъ уступить мнѣ мѣсто—здѣсь роль ваша не изъ первыхъ.

Ф. Хигель. Да и не изъ послѣднихъ.

Викомтъ. И такъ вы противитесь?

(*Ф. Хигель пожимаетъ плечами*).

Викомтъ. Наконецъ я принужденъ сказать, что у насъ дѣло дойдетъ до шпагъ —

Ф. Хигель. Не надѣюсь . . .

Викомтъ. И не должны ничего надѣяться.

Ф. Хигель. Мнѣ кажется, что вы все шутите.

Викомтъ. Ошибаетесь — государь мой — да что за дьявольщина — ваша

холодность начинаетъ приводить меня въ бѣшенство.

Ф. Хигель. Покорно васъ прошу....

Викомтъ. Нѣтъ—нѣтъ—или уступите мѣсто сраженія—или бѣйтесь со мною —

Ф. Хигель. Мнѣ не хотѣлось бы. . .

Викомтъ. Я вижу, что вы въ Кадетскомъ Корпусѣ не имѣли случая привыкнуть къ кровопролитію.

Ф. Хигель. Естьли прикажете — (*надѣваетъ шляпу*).

Викомтъ. Я еще оставляю это на вашъ выборъ —

Ф. Хигель. Мнѣ никакъ не льзя отказаться отъ Вильгельмины (*сохладнокровіемъ вынимаетъ изъ кармана перчатки и надѣваетъ*).

Викомтъ. Я долженъ вамъ сказать, какъ благородной человѣкъ, что я учился фехтовать у самаго лучшаго учителя.

Ф. Хигель. Благодарю за великодушное ваше извѣстіе. Жаль, что оно сдѣлано слишкомъ поздно (*вынимаетъ шпагу*).

Викомтъ. Сказать вамъ по секрету —я выѣхалъ изъ Франціи единственно

за тѣмъ, что имѣлъ нещастіе переколоть на поединкѣ всѣхъ Штабъ-Офицеровъ своего полку.

Ф. Хигель. Tant pis pour moi. Я вижу всю опасность и трепещу (*становится въ позитуру*).

Викомтъ (*отступая съ смущеніемъ*). Какъ, сударь! — вы хотите въ самомъ дѣлѣ? . . .

Ф. Хигель А развѣ вы только шутили? (*подходитъ къ нему ближе*).

Викомтъ. Опомнитесь, государь мой —гдѣ мы!

Ф. Хигель. Правда, что здѣсь не мѣсто.

Викомтъ. Конечно. Я не въ состояніи забыться до того, чтобъ начать сраженіе въ пріятельскомъ домѣ и нарушить священныя права дружества. На границѣ, государь мой! — на границѣ,—тамъ проколю я васъ насквозь — и убѣгу.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Ф. Хигель (*одинъ, вкладываетъ шпагу въ ножны съ усмѣшкою*) И этому человѣку дали здѣсь свободной доступъ — Этаго повѣсу терпятъ для того только, что онъ хорошо танцуетъ и умѣетъ бездѣлками прислуживать дамамъ. Странно! глупые люди и глупыя моды—женщинамъ всегда пріятны! онѣ терпятъ первыхъ, и украшаются послѣдними; а черезъ два дни смѣются тому и другому.— Пословица — скажи съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, каковъ ты, — совсѣмъ не годится для женщинъ! Самыя умныя изъ нихъ не могутъ обойтись безъ дураковъ и безъ постельныхъ собачекъ.

(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(*Вдали слышна духовая музыка*).

ЯВЛЕНІЕ I.

Капитанъ Эрлахъ (*входитъ*). О! о! да здѣсь весело!... (*Оборачивается въ ту сторону, гдѣ музыка*). Шляпы, перья, танцы, карты — это не мое дѣло.— Весеннее провожденіе времени отличается у нихъ отъ зимняго только тѣмъ, что сидятъ за картами въ саду, а не въ горницѣ. Мухи выгоняютъ ихъ оттуда, и отъ дождевой капли бѣгутъ они опять, будто бы она проѣдала тѣло. Сколь много въ свѣтѣ людей, которымъ бы надобно спать цѣлое лѣто, и не прежде просыпаться, какъ въ глубокую осень. — И мой пріятель терпитъ у себя такихъ повѣсъ. — Доброй! разсудительной Флахсландъ и модное собраніе—какъ это сообразить, но почему знать — можетъ быть сего дня свадьба его дочери!... Очень желаю найти кого нибудь, кто бы

шепнулъ ему на ухо: Эрлахъ пріѣхалъ! Я ни за что не пойду въ эту разноцвѣтную шайку — лучше просижу въ трактирѣ и стану зѣвать за газетами — Эй дружокъ! — Это кажется старикъ Иванъ. . . .

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭРЛАХЪ и ИВАНЪ.

Иванъ. Что это? Господинъ Поручикъ — или можетъ быть ужъ Капитанъ! . . .

Эрлахъ. Все равно — лишъ бы мнѣ были рады.

Иванъ. Добро пожаловать — рѣдкой — любезной гость.

Эрлахъ. Жаль, если-ли меня будутъ здѣсь почитать за гостя.

Иванъ. Какъ Господинъ Совѣтникъ обрадуется вамъ!

Эрлахъ. Есть ли ему столько времени, чтобъ обрадоваться старинному другу?

Иванъ. Мы съ нимъ каждой день о васъ говорили. — Когда онъ ни взглянетъ на разцвѣтающія липы или со-

зрѣвающія дыни, то всегда скажетъ: жаль, что здѣсь нѣтъ любезнаго моего Эрлаха!

Эрлахъ. А онъ между тѣмъ танцовалъ на большомъ балѣ, гдѣ смерть махаетъ своею косою.

Иванъ. Часто жаловался онъ и на то, что вы рѣдко къ нему писали.

Эрлахъ. Рѣдко писалъ? это не мое дѣло.

Иванъ. И что онъ никогда заподлинно не зналъ, гдѣ вы находитесь.

Эрлахъ. Да начто и знать — солдатъ бываетъ вездѣ и нигдѣ, такъ какъ пишется въ волшебныхъ сказкахъ. Послѣдніе два года жилъ я совершенно по цыгански — да правду сказать, мнѣ и ненравится обыкновеніе посылать каждую почту увѣренія въ непрерывной дружбѣ. Это разумѣется само по себѣ, потому что другъ не любовница, которую сего дня обожаютъ, а завтра бросаютъ съ презрѣніемъ... Да!... какъ поживаетъ Эмма?... Выросла она?...

Иванъ. Выросла — и стала такъ хороша — такъ прекрасна—какъ самая свѣжая роза.

Эрлахъ. Это мнѣ пріятно. — Видно здѣсь нынѣче балъ?

Иванъ. Да — провалъ его возьми?

Эрлахъ. Развѣ ты этаго не любишь?

Иванъ. Я не привыкъ.

Эрлахъ. А твой господинъ?—Прежде это было не его дѣло.

Иванъ. Правда, сударь — да теперь здѣсь много кое чего перемѣнилось.

Эрлахъ. Какъ?

Иванъ. Барыня....

Эрлахъ. Что за барыня? не уже ли Флахсландъ женился на другой?

Иванъ Развѣ вы не знаете? ужъ третій годъ.

Эрлахъ Это мнѣ не очень пріятно.— Онъ вѣрно ошибся... по дѣламъ!

Иванъ. Она добрая женщина, только очень вѣтрена. — Это походитъ на двухъ матокъ въ одномъ ульѣ—онѣ дѣлаютъ безпрестанной шумъ.

Эрлахъ. Поди — позови его сюда — да потихонку, чтобъ никто не слыхалъ.

Иванъ. Слушаю.

ЯВЛЕНІЕ III.

Эрлахъ (*одинъ*) Видно, что женидьба похожа на пьянство — отъ вина дѣлается головная боль; при всемъ томъ люди едва успѣютъ протрезвится, какъ тотчасъ хватаются опять за рюмку. Нѣтъ Эрлахъ—хоть ты и много глупостей надѣлалъ въ своей жизни, но этой никогда не сдѣлаешь — женидьба не твое дѣло. — Кто стоя на берегу, видитъ, какъ тонутъ другіе и бросается туда самъ — тотъ — пусть утонетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЭРЛАХЪ и СОВѢТНИКЪ.

Совѣтн. (*идетъ къ нему съ распростертыми руками*). Эрлахъ! любезной Эрлахъ! (*Прижимаютъ крѣпко другъ друга къ сердцу*).

Эрлахъ (*скрывая свою чувствительность*). Старой младенецъ! я радъ, что опять увидѣлся съ тобою. — (*Пожимаетъ его руку*) Очень радъ. (*Беретъ его за подбородокъ*) Ты немного похудѣлъ,

впрочемъ все таковъ же.— Что это? — ты плачешь? — фуй! стыдись! . . . (*Отворачивается и утираетъ слезы*) Какъ больно укусила меня муха! —

Совѣтн. Такъ, другъ мой! я плачу — и благодарю тебя, что ты не пришелъ въ наше собраніе — тамъ долженъ бы я былъ удерживать эти радостныя слезы.

Эрлахъ. Но за чѣмъ у тебя такія собранія? — это мнѣ не нравится.

Совѣтн. Объ этомъ поговоримъ послѣ — пусть ихъ играютъ и танцуютъ. — Я не видался съ тобою восемь лѣтъ, любезной мой Эрлахъ — какъ ты поживаешь?

Эрлахъ. Очень хорошо—я отставленъ Капитаномъ.

Совѣтн. Почему это?

Эрлахъ Потому, что не захотѣлъ долѣе служить, и что старая моя тетка изъ отличнаго благоразумія сдѣлала меня своимъ наслѣдникомъ.

Совѣтн. Радуюсь. Теперь мы станемъ всегда жить вмѣстѣ, не правда ли?

Эрлахъ. Я и самъ то же думалъ — однако. . .

Совѣтн. Что такое?

Эрлахъ. Я слышалъ, что ты опять женился?

Совѣтн. Да — и жена моя предобрая женщина.

Эрлахъ. Можетъ быть — но твой образъ жизни — ты знаешь меня ... это не мое дѣло.

Совѣтн. Не думаешь ли ты, что онъ мнѣ нравится?

Эрлахъ. Для чегожъ ты то терпишь, что можешь перемѣнить?

Совѣтн. Я двадцатью годами старѣе моей жены — не уже ли мнѣ отказать ей въ тѣхъ забавахъ, къ которымъ она съ молоду привыкла.

Эрлахъ. Объ этомъ надобно бы пораньше подумать.

Совѣтн. Я былъ влюбленъ.

Эрлахъ. Естьли такъ— то я не говорю ни слова.

Совѣтн. А ты еще и до сихъ поръ никому не покорился?

Эрлахъ. Любовь также какъ оспа— естьли не придетъ въ молодыхъ лѣтахъ — то подъ старость бываетъ очень рѣдко.

Совѣтн. (*улыбаясь*). Но естьли приходитъ, то дѣлается крайнѣ опасна.

Эрлахъ. Надобно предохранять себя отъ заразы.

Совѣтн. Безъ шутокъ—въ теперешнемъ положеніи самое лучшее дѣло для тебя жениться.

Эрлахъ. Развѣ застрѣлиться: это гораздо умнѣе.

Совѣтн. Такъ ты все еще не любишь женщинъ?

Эрлахъ. Естьли жена дурна, то худо— а естьли хороша, то еще хуже.

Совѣтн. Ты все шутишь.

Эрлахъ. Нѣтъ—хорошую жену буду я любить.

Совѣтн. Тѣмъ лучше.

Эрлахъ. Хуже—мужъ, которой любитъ свою жену — невольникъ собственнаго своего сердца. Естьли онъ не въ состояніи удовольствовать какой нибудь ея прихоти, то мучится гораздо больше, нежели она.

Совѣтн. У порядочной жены не бываетъ никогда такихъ прихотей.

Эрлахъ. Сверьхъ того, женившись надобно отказаться отъ многихъ привычекъ, которыя съ продолженіемъ

времени сдѣлались необходимы, и имѣютъ съ нами такую же тѣсную связь, какъ и добродѣтели или пороки. У всякаго есть свое любимое блюдо — стулъ, на которомъ онъ лучше сидитъ, нежели на другомъ — мѣсто за столомъ, и тому подобное — Вдругъ является жена, какъ домашній законодатель, и всякая малость принимаетъ другой видъ — мужъ хочетъ, чтобъ приготовить росбифъ, а жена приказываетъ сдѣлать фрикасе. Онъ долженъ сѣсть съ ней въ карету тогда, какъ хотѣлъ бы ѣхать верьхомъ — и принужденъ отставать отъ табаку, потому что ей противенъ этотъ запахъ —

Совѣтн. Это все малости.

Эрлахъ. Самыя маленькія деревья распускаютъ иногда свои корни такъ широко и глубоко, что наконецъ невозможно бываетъ ихъ вырывать. При старости и съ людьми то же бываетъ.

Совѣтн. Да ты еще довольно молодъ.

Эрлахъ. А сохрани Боже, естьли любезная жена занеможетъ. — У ней заболитъ голова, я дрожу—у ней нѣтъ

аппетита, онъ пропадаетъ и у меня— у ней горячка, я внѣ себя. — Нѣтъ, другъ мой! это не мое дѣло.

Совѣтн. О пріятной сторонѣ супружества ты не говоришь ни слова.

Эрлахъ. Ты это самъ чувствуешь— Не принадлежитъ ли и этотъ пустой шумъ къ пріятностямъ супружества?

Совѣтн. (*со вздохомъ*). Это — перемѣнится— можетъ быть, все пойдетъ иначе.

Эрлахъ. О чемъ же ты вздыхаешь?

Совѣтн. Ахъ, любезной другъ! въ сердцѣ моемъ не одна рана.

Эрлахъ. Этотъ образъ жизни — не правда ли! ты любишь спокойствіе! ты хотѣлъ бы жить въ деревнѣ?

Совѣтн. Любя чрезмѣрно жену свою, я охотнобъ желалъ доставлять ей всякое удовольствіе — но расходы слишкомъ велики, а доходы очень малы.

Эрлахъ Для чего же ты ей этаго не скажешь?

Совѣтн. Никакъ не могу. Она съ молоду привыкла такъ жить! Будучи еще невѣстою, спрашивала она у меня съ любезною довѣренностію: какъ велики ваши доходы! — я съ охотою

себя ограничу — скажите откровенно.

Эрлахъ. Сказалъ ли ты?

Совьтн. Я — извини меня любезный другъ — я постыдился сказать это— Живите всегда такъ, какъ вы до этихъ поръ жили, отвѣчалъ я — у васъ не будетъ недостатка въ деньгахъ.

Эрлахъ. Далѣе.

Совьтн. Она хотѣла знать, чѣмъ ей должно будетъ заниматься: можетъ быть вы любите уединеніе! я готова съ вами сообразоваться во всемъ.

Эрлахъ. Чтожъ ты отвѣчалъ?

Совьтн. Я не хотѣлъ ей сдѣлать ни малѣйшаго принужденія, чтобы она сколько можно менѣе чувствовала, что вышла за сорокалѣтняго.

Эрлахъ. Это значитъ другими словами: ты стыдился своей старости.

Совьтн. Можетъ быть.

Эрлахъ. И хотѣлъ показаться богатѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ.

Совьтн. Теперь уже поздно искать помощи.

Эрлахъ. Образумиться никогда не поздно.

Совьтн. Это еще ничего не зна-

читъ — сердце мое — терзается не о денежной потерѣ — но. . .

Эрлахъ. Что такое!

Совьтн. Тебѣ — и одному только тебѣ могу я открыть эту слабость. Меня мучитъ духъ ревности.—Каждой день окружаетъ ее толпа обожателей — это не больше какъ куклы — я знаю —однако же горе тому мужу — которой думаетъ, что они не въ состояніи лишить его покоя — Сильная привычка къ разсѣянію не одинъ разъ разсѣвала женскую добродѣтель.

Эрлахъ Для чегожъ ты не скажешь ей объ этомъ?

Совьтн Болѣе ста разъ спрашивала она меня, не ревнивъ ли я! — скажите одно слово — и всѣ эти вертопрахи изчезнутъ въ одну минуту.

Эрлахъ. И ты сто разъ отвѣчалъ ей . . .

Совьтн. То же, что говорилъ, будучи женихомъ — что довѣренность моя къ ней безпредѣльна.

Эрлахъ. Это значитъ другими словами: ты стыдился своей ревности!

Совьтн. Такъ, любезной Эрлахъ!

Эрлахъ. Не проклятое ли дѣло, ложной стыдъ?... Не было бы на свѣтѣ и въ половину бѣдствія, естьли бы всякой въ состояніи былъ сказать откровенно, что ему не нравится. Вотъ человѣкъ, которой могъ быть совершенно счастливъ,— отъ котораго жена требуетъ только откровенности, хочетъ съ нимъ во всемъ сообразоваться, и оставить все, что ему не нравится — но онъ, при всемъ этомъ, стыдится и молчитъ.

Совѣтн. Я чувствую свою погрѣшность; но не имѣю силъ ее поправить.

Эрлахъ. И такъ я долженъ тебѣ удѣлить нѣсколько моей твердости— успокойся — Естьли жена твоя такова, какъ ты ее описываешь: то тебѣ можно еще помочь! Это мое дѣло. Теперь скажи мнѣ, какова моя.... такъ сказать... дочь — не принадлежитъ ли и она къ этому собранію?

Совѣтн. Напрасно бы ты сталъ тамъ искать ее.

Эрлахъ. Это мнѣ пріятно — правду тебѣ сказать: я не худаго мнѣнія объ

этой дѣвушкѣ — и хочу много для нее сдѣлать — когда она подростетъ —

Совьтн. Она ужъ и теперь невѣста —

Эрлахъ. Я намѣренъ выдать ее за мужъ.

Совьтн. Хоть сего дня.

Эрлахъ. Невозможно! — она была еще ребенокъ, какъ я пріѣзжалъ сюда въ послѣдній разъ.

Совьтн. Въ продолженіи осьми лѣтъ можно много вырости.

Эрлахъ. Такъ — такъ — но она все еще очень молода. — Судьба ввѣрила моему попеченію эту бѣдную сироту; я и въ самомъ дѣлѣ намѣренъ объ ней постараться — У меня нѣтъ ни дѣтей, ни родственниковъ — пусть она называетъ меня отцомъ — я за это при смерти сдѣлаю ее наслѣдницею всего моего имѣнія.

Совьтн. Такъ ты ничего не узналъ о ея породѣ?

Эрлахъ. Ни слова; да какая въ томъ и нужда? — Я также могу быть ее отцомъ, какъ и всякой другой.

Совьтн. Для чегожъ не мужемъ?

Эрлахъ. Не помѣшался ли ты?

Совѣтн. Она обрадовалась твоему пріѣзду, точно какъ невѣста.

Эрлахъ. Не ужели это правда? — А! такъ ступай — пришли ее ко мнѣ скорѣе —

Совѣтн. Черезъ минуту. Велѣлъ ли ты перенести сюда свой экипажъ?

Эрлахъ Нѣтъ еще — я хотѣлъ напередъ узнать — каково здѣсь живутъ — мое ли это дѣло.

Совѣт. Я не надѣюсь —

Эрлахъ. Ступай — ступай — мы скоро опять удивимся. —

ЯВЛЕНІЕ V.

Эрлахъ (*одинъ*). Надобно прежде узнать покороче жену его. — Супружество часто усыпляло дружбу; а естьли оно заснетъ хоть однажды, то ужъ никогда не пробудится. Любовь выпятиваетъ изъ бутылки весь спиртовой запахъ, а дружеству оставляетъ одну воду. Боже насъ сохрани отъ этаго—Бѣдной Флахсландъ! и ты хотѣлъ уговорить меня къ женидьбѣ!... ты!... птичка въ западнѣ, пой сколько хочешь, меня не обманешь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЭРЛАХЪ и ЭММА.

Эмма (*бѣжитъ къ нему съ распростертыми руками*). Избавитель мой — благодѣтель! . .

Эрлахъ (*отскакиваетъ назадъ и уклоняется отъ ея поцѣлуевъ*). Что — что это! Кто вы таковы?

Эмма. Развѣ вы не узнаете своей Эммы?

Эрлахъ (*въ изумленіи*). Вы—моя Эмма!

Эмма. Для чегожъ не говорите мнѣ ты, по прежнему.

Эрлахъ. Будто вы та самая Эмма, которая за восемь лѣтъ была не выше этой трости?

Эмма. Точно — я лепетала тогда то, что теперь чувствую.

Эрлахъ. Которая сиживала у меня на колѣняхъ и боялась моей бороды?

Эмма. Та самая, которую вы осыпали вашими благодѣяніями—а теперь отвергаете ея благодарность.

Эрлахъ (*сражаясь съ любовію и смущеніемъ*). Ну — ну — естьли это такъ—то я очень радъ,—что ты—вы,—ты—

Тьфу пропасть!—поди сюда—дай себя поцѣловать.

Эмма. Я теперь съ удовольствіемъ слышу прежній вашъ ласковой голосъ.

(*цѣлуетъ его*).

Эрлахъ (*цѣлуетъ ее въ лобъ и разсматриваетъ съ восхищеніемъ*). Дѣвушка! ты выросла и стала очень пригожа; скромной твой взглядъ — и все — все мнѣ въ тебѣ нравится. — Я не знаю, каково бываетъ на сердцѣ у людей, которые дѣтей имѣютъ; но теперь не хотѣлъ бы я ни за что имѣть у себя родной дочери. (*Треплетъ ее по щекѣ*). Я чрезвычайно распрогнанъ—не смѣйся —вонъ у меня слезы на глазахъ — это не мое дѣло.

Эмма. Мнѣ смѣяться! я едва удерживаюсь отъ слезъ (*плачетъ*).

Эрлахъ. Ты плачешь!... Эмма! я не могу на это смотрѣть—я уйду.

(*Эмма отираетъ съ поспѣшностію слезы и смотритъ на него съ нѣжною улыбкою*).

Эрлахъ. Браво — этимъ ласковымъ взглядомъ въ состояніи ты обезоружить цѣлой полкъ — когда онъ идетъ на приступъ; но нѣтъ — невозможно

— я не долженъ говорить тебѣ ты — это не годится.

Эмма. Почему же, батюшка?

Эрлахъ. Тьфу пропасть — за чѣмъ вы называете меня батюшкой?— развѣ я такъ старъ — я осьмью годами моложе Совѣтника.

Эмма. Ваши благодѣянія. . . .

Эрлахъ. Опять! (*Скоро*) Послушайте, любезная Эмма — (*тихо*) добрая Эмма, не поминай объ этомъ — я не могу слушать — это не мое дѣло. — Естьли непремѣнно надобно, чтобъ я говорилъ тебѣ ты — то я—соглашусь на это съ тѣмъ, чтобы ты почитала меня за брата —

Эмма. Мое сердце никакой не имѣетъ нужды въ родствѣ, чтобъ любить васъ.

Эрлахъ. Тѣмъ лучше — родственники тогда только другъ друга любятъ, когда имѣютъ одинъ въ другомъ нужду.

Эмма. Вы къ намъ очень рѣдко писали.

Эрлахъ. Когда я учился писать, то учитель билъ меня по рукѣ, естьли я напишу криво.— Съ тѣхъ поръ пропала

у меня вся охота къ письму.— Не имѣла ли ты въ чемъ нужды?

Эмма. Ваши милости—

Эрлахъ. Не о томъ дѣло—я не могъ тогда сдѣлать для тебя много— потому, что жилъ однимъ жалованьемъ; но теперь все пойдетъ лучше. *Мы* получили наслѣдство, любезная Эмма — тетка моя отказала мнѣ все свое имѣніе; я взялъ отставку и хочу стать здѣсь на зимнія квартиры.

Эмма. Это очень хорошо.

Эрлахъ. Но здѣшній образъ жизни мнѣ не нравится — это не мое дѣло! Естьли всегда бываетъ у нихъ такъ, какъ нынѣче — Однакожъ, Эмма—Совѣтникъ сказывалъ мнѣ, что ты не любишь этаго моднаго шуму —

Эмма. Я болѣе привыкла къ уединенію.

Эрлахъ. Такъ ты любишь его по привычкѣ, а не по склонности?

Эмма. Вы меня вѣрно не будете винить, естьли я скажу, что иногда смотрѣла издали на этѣ модныя собранія съ сердечнымъ прискорбіемъ.

Эрлахъ. Для чегожъ иногда не провести тамъ нѣсколько времени?

Эмма. Потому, что мнѣ не пристало—потому, что я бѣдная сирота — и живу чужими благодѣяніями — потому, что—

Эрлахъ. Потому, что — договаривай —

Эмма. Я не скрою отъ васъ своей слабости — потому, что я не надѣюсь въ блестящемъ собраніи замѣнить внутренними достоинствами наружной пышности—которою украшаются другія дѣвицы.

Эрлахъ. Это значитъ другими словами—ты стыдишься выйти въ этомъ платьѣ.

Эмма. Ваша правда — но я стыжусь не передъ вами—не въ компаніи умныхъ людей—а—тамъ — вы знаете, на чемъ основываетъ модной свѣтъ слабыя свои разсужденія.

Эрлахъ Опять ложной стыдъ! — Послушай, Эмма—пока дѣвушка украшается невинностію, то она всегда великолѣпно одѣта — объ тебѣ можно это сказать безъ ошибки. — Этотъ передникъ съ карманами не богатъ, за то онъ къ тебѣ присталъ — только не надобно, чтобъ карманы были пусты

— (*Хочетъ положить ей въ карманъ кошелекъ*).

Эмма (*въ великомъ смущеніи*). Нѣтъ—нѣтъ—сдѣлайте милость—вы меня не поняли — вы меня въ стыдъ приводите — я и такъ получаю отъ васъ болѣе, нежели сколько мнѣ надобно.—Возьмите эти деньги назадъ, естьли меня любите.

Эрлахъ. Ну — ну, хорошо — (*прячетъ кошелекъ*). Я не такъ сдѣлалъ — прости меня—искусство давать очень хорошо— но я его не разумѣю.

Эмма. Я хотѣла вамъ признаться въ моей слабости—а изъ этаго вышла нескромность.— Здѣсь въ домѣ обходятся со мною, какъ съ дочерью или съ сестрою—Сколь часто дарили мнѣ богатыя платья—но это мнѣ не пристало—можетъ быть еще живы родители мои — они скитаются въ бѣдности—а я буду ходить въ атласѣ.— Можетъ быть я крестьянская дочь— а стану украшаться бриліянтами —

Эрлахъ Ты крестьянка — нѣтъ — нѣтъ—быть не можетъ.

Эмма. Не знаете ли вы чего о моемъ родѣ ?

Эрлахъ. Ничего, любезное дитя— однѣ догадки —

Эмма Разскажите мнѣ этѣ догадки — разскажите исторію моего избавленія.— Какъ вы за восемь лѣтъ передъ этимъ отъ насъ уѣхали, была я очень мала и ничего не разумѣла. — Совѣтникъ часто мнѣ пересказывалъ то, что отъ васъ слышалъ; но о маловажныхъ обстоятельствахъ, касающихся до меня, почти не говорилъ ни слова. Иногда самая малость подаетъ поводъ къ объясненію. Извольте; я вамъ стану помогать своими догадками въ разсужденіи первыхъ лѣтъ моего младенчества — опишу черты лица моей матери — можетъ быть она еще жива — Боже мой! можетъ быть она еще жива!..

Эрлахъ. Это возможно — но невѣроятно. — Мы ночью сдѣлали высадку на берегъ— и взяли приступомъ Чарлестовнъ — солдаты наши перепились и начали вездѣ грабить и жечь — городъ загорѣлся въ четырехъ мѣстахъ — и кто могъ спастись отъ пламени, былъ заколотъ.— Не было ни команды— ни субординаціи— Ахъ!— я не могу вспом-

нить безъ трепета объ этой ужасной ночи. Я охрипъ кричавши — но и самые громовые удары былибъ тогда неслышны. — Наконецъ насталъ день и освѣтилъ это страшное позорище. Солдаты наши лежали въ пыли, покрыты кровію и очернѣны порохомъ и дымомъ. Все было пусто и въ ужасной тишинѣ. — Я скитался со шпагою въ рукахъ по дымящимся развалинамъ, какъ вдругъ услышалъ близъ себя тихой стонъ. Сталъ прислушиваться, отдвигать тлѣющія бревна, и вдругъ увидѣлъ младенческую головку, которая кричала томнымъ голосомъ: маминька—маминька— это была ты любезная Эмма! — Половина твоего тѣла покрыта была развалинами — и одно только чудо могло спасти твою жизнь. Я началъ отрывать сколько могъ — и лишь только освободилъ одну твою руку, какъ ты сдѣлала мнѣ ею поцѣлуй. Это тронуло меня чрезвычайно. — Потерпи, бѣдное дитя! — говорилъ я—тебѣ можно еще помочь. Мой слуга былъ не подалеку оттуда — я кликнулъ его. — Мы тебя отрыли и вывели на свѣжей воздухъ

— Я взялъ тебя за руку — и ты ласкаясь ко мнѣ, сказала по Англински: къ маминькѣ; къ маминькѣ, повторила ты по Французски — а наконецъ сказала то же и по Нѣмецки, опасаясь, что я тебя не разумѣлъ. Гдѣ твоя маминька? спросилъ я. Здѣсь, въ переулкѣ, въ жолтенькомъ домикѣ.—Тамъ не было ни переулка, ни улицы, ни домика—ни женщины.— Я старался провѣдать сколько могъ — но тщетно — Тѣ, которымъ удалось уйти, прятались въ лѣсахъ,—а намъ пришло время итти на корабль. Что мнѣ было дѣлать — не уже ли оставить тебя между горящими развалинами? . . . Я выпросилъ у Капитана позволеніе взять тебя съ собою.— Онъ былъ очень пронунъ увидѣвши тебя, потому что ты была такъ мала—такъ мала—что я не могу понять, какъ ты столько выросла.

Эмма. Болѣе этаго вы ничего не знаете?

Эрлахъ (*пожимая плечами*). Мы прибыли благополучно въ Европу и нашли убѣжище въ домѣ моего друга.

Эмма. И я не могла вамъ ни разу пролепетать моего имени?

Эрлахъ Ты говорила: что тебя зовутъ Эмма — и потому я почиталъ тебя за Англичанку — но ты говорила также хорошо по Французски и по Нѣмецки — а это доказываетъ, что ты не простаго происхожденія— На бѣльѣ твоемъ вышиты были двѣ литеры: А. М. Вотъ все, что я могу сказать тебѣ.

Эмма. О! естьли бы мнѣ удалось побывать тамъ, и встрѣтиться съ моими родителями, — я бы ихъ тотчасъ узнала. — Батюшка мой былъ сухощавой, смугловатой человѣкъ—а матушка — о! я никогда ее не забуду — она была очень блѣдна и часто плакала,— можетъ быть она плачетъ теперь и еще болѣе — а я не могу смѣшать слезъ моихъ съ ея слезами — (*вздыхаетъ*).

Эрлахъ. Успокойтесь, любезная Эмма. — Вотъ идетъ сюда вся стая вертопраховъ — Этихъ слезъ не должны видѣть люди, у которыхъ вся чувствительность вмѣстѣ съ потомъ вышла во время танцовъ.

Эмма. Я теперь не въ силахъ успокоиться—позвольте мнѣ выпити —

(*Уходитъ*).

Эрлахъ (*одинъ*). Добрая дѣвушка! — Жаль только, что она выросла и стала пригожа.— Сердце обнаруживается передъ ней не такъ, какъ прежде — и слово *ты* — исчезаетъ на языкѣ. — Такъ и быть—надобно перенести сюда свой экипажъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЭРЛАХЪ, СОВѢТНИЦА, ВИЛЬГЕЛЬМИНА, фонъ ХИГЕЛЬ и ВИКОМТЪ.

Совѣтница. Здравствуйте, сударь — Я теперь только услышала отъ моего мужа —

Эрлахъ (*съ холодною учтивостію*). Конечно я имѣю честь видѣть супругу Господина Совѣтника? —

Совѣтница. Естьли это столько же вамъ дѣлаетъ удовольствія, сколько чести, то я немного выиграла у васъ, и мои желанія остались тщетны.

Викомтъ. Браво! — это несравненно!

Эрлахъ. Ваши желанія очень скромны.

Совѣтница. Мы думали, что никогда васъ не дождемся.

Эрлахъ. Тѣмъ хуже для меня — ожидаемое всегда почти бываетъ меньше ожиданія.

Совѣтница. Сто разъ надобно было мнѣ описывать черты вашего лица, потому что интересной человѣкъ представляется моему воображенію совсѣмъ не такимъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ — Я думала, что вы ловкой, веселой мущина съ орлинымъ носомъ, съ быстрыми глазами. —

Эрлахъ. Слуга покорной!

Совѣтница. Я бы ударились объ закладъ, что у васъ нѣтъ такого суроваго виду —

Викомтъ. Ха! ха! ха! — браво —

Эрлахъ. Веселой духъ иногда скрывается подъ грубою наружностью, чтобъ тѣмъ скорѣе удалить отъ себя безошвязныхъ — (*Посматриваетъ на Викомта*).

Совѣтница. Однакожъ, господинъ Офицеръ, естьли дружество захочетъ взять приступомъ сердце —

Эрлахъ. Дружество беретъ приступомъ однихъ дураковъ.

Совѣтница. Ваша правда — я хотѣла сказать: естьли дружество захочетъ взять въ полонъ сердце, то оно не побоится недовѣрчивости, которая его прикрываетъ.— Однимъ словомъ — я хочу быть вашей пріятельницей, чтобъ не быть долѣе соперницей.

Эрлахъ Соперницей?

Совѣтница Такъ, сударь! — Я ужъ нѣсколько разъ ревновала къ вамъ отъ всего сердца, потому что не проходитъ ни одного дня, въ которой бы мужъ мой не говорилъ объ васъ съ величайшимъ энтузіазмомъ.— Естьлибъ я была недовѣрчива, то почла бы васъ за втораго Рыцаря Эона.

Викомтъ. Ха! ха !ха! браво! — брависсимо!

Совѣтница (*Викомту*). Я увольняю васъ отъ должности аплодировать каждому моему слову.

Вильгельм. Ха! ха! ха! браво — брависсимо!

Викомтъ (*Вильгельмину*). Хорошо, сударыня— вы мнѣ за это заплатите.

Вильгельм. Видно вы опять хотите сочинить мнѣ стихи?

Эрлахъ. Почти и мнѣ приходитъ сказать— брависсимо!

Вильгельм. (*Эрлаху*). Сдержите ли вы свое слово?

Эрлахъ (*улыбаясь*). Съ охотою, прекрасная незнакомка!

Совѣтница. Какъ, сударь — не уже ли вы не знаете дочери вашего пріятеля?

Эрлахъ (*въ изумленіи*). Это Вильгельмина! Извините, сударыня!....

Вильгельм. Называйте меня лучше Минетою — а то мнѣ въ первой разъ теперь досадно будетъ, что я выросла.

Эрлахъ. Правда, что вы выросли— и стали прекрасны.

Вильгельм. Вы меня въ стыдъ приводите.

Эрлахъ. Я не охотникъ льстить — это не мое дѣло. Природа раздаетъ красоту также, какъ и право на дворянство. — Умные люди ни тѣмъ, ни другимъ не гордятся.

Викомтъ. Ахъ, сударь! она столько же сурова, какъ и прекрасна!

Эрлахъ. Это, кажется, любовное восклицаніе!

Вильгельмъ. Похоже на то.

Совѣтница. Я рекомендую вамъ Господина Викомта де Маліяка, Французскаго эмигранта.

Эрлахъ. Слуга покорной!

Совѣтница. И еще Господина фонъ Хигеля — уѣзднаго дворянина.

Эрлахъ. Это мое дѣло! — Къ этому господину я гораздо ближе, потому, что Швейцары отъ природы склонны къ деревенской жизни.

Совѣтница. Дайте мнѣ вашу руку, сударь, и пойдемъ къ гостямъ. Вы тамъ услышите великое множество именъ и титуловъ.

Эрлахъ. Я лучше бы согласился итти на лугъ, потому что тамъ узналъ бы не однѣ имена цвѣтовъ, а насладился бы вмѣстѣ ихъ запахомъ.

Викомтъ Господинъ Капитанъ видно зараженъ новою философіею.

Эрлахъ. Зараженъ — браво! — прекрасное выраженіе! Скоро начнутъ на границахъ строить карантины для пріѣзжающихъ заражать умы въ чужихъ государствахъ.

Совѣтница (*Эрлаху*). Вы сами знатной фамиліи.

Эрлахъ. Это меня много разъ приводило въ досаду. При всякомъ случаѣ, гдѣ я былъ рекомендованъ, спрашиваютъ: не изъ фамиліи ли вы славнаго Рудольфа Эрлаха? Да—да—Боже мой! развѣ я отъ этаго лучше. Я Иванъ Эрлахъ, и кто меня любитъ для самаго меня, тотъ пусть подаетъ мнѣ въ знакъ дружбы руку — но для Рудольфа Эрлаха, котораго кости тлѣютъ въ Стразбургѣ, никто не обязанъ снимать передо мною шляпы.

Совѣтница. Очень хорошо, сударь —я готова подать свою руку Ивану Эрлаху, однако пусть онъ припомнитъ, что съ волками надобно выть.

Эрлахъ. Извините, сударыня —я этой пословицы слѣдовать не намѣренъ, и съ волками выть не буду.

Совѣтница. Но бѣдной мой мужъ теперь сидитъ съ ними; надобно его выручить. (*Тащитъ его за собою*).

Эрлахъ (*слѣдуетъ за нею противъ воли*). Я теперь вашъ плѣнникъ, а плѣнника можно заставить все дѣлать.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА, ВИКОМТЪ и фонЪ ХИГЕЛЬ.

Викомтъ. Господинъ Капитанъ est un peu massif.

Ф. Хигель. За то и дружба его не такъ скоро взлетитъ на воздухъ.

Вильгел. Не пойти ли и намъ за ними?

Викомтъ. Вы шутите—Комета никогда не спрашиваетъ у своего хвоста, хочетъ ли онъ за нею слѣдовать.

Вильгел. Ха! ха! ха! Знаете ли вы, что хвосты у кометъ состоятъ изъ водяныхъ паровъ?

Викомтъ. Изъ чего вамъ угодно.

Вильгел. Господинъ фонъ Хигель, какъ вы объ этомъ думаете?

Ф. Хигель. Я сравниваю Вильгельмину съ одной только Вильгельминою.

Вильгел. (*садится въ бесѣдку*). Останемтесь лучше здѣсь; мнѣ самой не хочется говорить—такъ пожалуйте займите меня чѣмъ нибудь—я буду слушать.

Викомтъ. Если-ли позволите мнѣ воспользоваться этими щастливыми

минутами и поговорить о любви моей...

Вильгел. Нѣтъ — нѣтъ — я хочу, чтобъ разговоры ваши были хоть немного занимательны.

Викомтъ. Peut-être ordonnez vous de lecture, у меня есть томъ Новой Элоизы.

Вильгел. Я не смѣю ее читать. — Да — пожалуйте скажите, почему эта книга называется Новая Элоиза?

Викомтъ. Такъ захотѣлось автору. Въ ней нѣтъ объ Элоизѣ ни одного слова.

(*Фонъ Хигель смѣется*)

Вильгел. И такъ надобно самому догадываться?

Викомтъ. Конечно.

Вильгел. Я думаю Элоиза была очень хороша собою?

Викомтъ. Я могу имѣть честь показать вамъ ея портретъ. (*Подаетъ ей табакерку*).

Вильгел. Похожъ ли онъ на нее?

Викомтъ. Какъ двѣ капли воды.

Вильгел. (*лукаво*). Не знакомы ли вы съ нею?

Викомтъ. Нѣтъ, сударыня — она давно ужъ умерла — но я знаю дядю ея

Фолберта — онъ доброй старикъ и портретъ его вырѣзанъ на мѣди.

Вильгел. (*фонъ Хигелю*). Вы смѣетесь?

Ф. Хигель. Я беру участіе въ вашей забавѣ.

Вильгел. Этотъ дядя, сударь, вѣрно человѣкъ знатной?

Викомтъ. C'est un financier. На этихъ людей не много смотрятъ — впрочемъ у него всегда изрядной столъ —

Вильгел. Не знаете ли вы чего нибудь о Абельярдѣ?

Викомтъ. Онъ былъ Avocat au Parlement. Человѣкъ довольно извѣстной.

Вильгел И ужъ не молодъ?

Викомтъ. Въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ.

Ф. Хигель (*улыбаясь*). То есть: около пяти или шести сотъ лѣтъ.

Викомтъ. Какъ, сударь? . . .

Ф. Хигель. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ Бель, что онъ родился въ одиннадцатомъ столѣтіи.

Викомтъ. Быпь не можетъ — Je le dois sçavoir mieux, que cet homme obscure, que vous venez de nommer.

Ф. Хигель. Бель est un homme obscure?

Викомтъ. Однимъ словомъ, сударь, кто смѣетъ такого человѣка, какъ я, уличать во лжи, тотъ показываетъ, что онъ по крайней мѣрѣ — не Французъ. Абельярду точно около сорока или пятидесяти лѣтъ—Клянусь вамъ честію—понимаете ли?... моею честію—и этаго довольно.— А естьли вы сомнѣваетесь, то я въ состояніи при первомъ случаѣ дать вамъ самое вѣрное доказательство.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА и фонъ ХИГЕЛЬ.

Вильгел. Не вызываетъ ли онъ васъ на поединокъ?

Ф. Хигель. Похоже на то.

Вильгел. И вы нейдете?

Ф. Хигель. Храбрость его ногъ мнѣ ужъ давно извѣстна.

Вильгел. Въ самомъ дѣлѣ было бы смѣшно, естьли бы вы поссорились за Абельярда.

Ф. Хигель. Не рѣдко случается, что люди рѣжутъ другъ друга за подобныя бездѣлицы.

Вильгел. Это правда.

Ф. Хигель. Желаніе быть всегда правымъ, есть страсть — а страсть возбудить можно почти всякою малостью.

Вильгел. Я бы не совѣтовала вамъ говорить этаго передъ дѣвушками.

Ф. Хигель. Смѣю ли спросить, почему?

Вильгел. Потому, что сдѣлаете ихъ недовѣрчивыми къ любви вашей.

Ф. Хигель. Развѣ я говорилъ о любви?

Вильгельмина. А развѣ любовь не страсть?

Ф. Хигель. Истинная любовь не можетъ назваться страстью. Она есть внутренная природная наклонность ко всему изящному.

Вильгел. Я не знаю, каково покажется это описаніе нашему полу. Мы любимъ возбуждать страсти, которыя бы доводили до дурачества.—Разумъ, увѣнчанной дурацкою шапкою у

ногъ красавицы, самая лучшая для насъ картина.

Ф Хигель. Жаль, что она написана слишкомъ сухими красками.

Вильгел. Дѣвушки въ этомъ не знатоки.

Ф. Хигель. И не хотятъ быть такими.

Вильгел. Ошибаетесь, сударь.

Ф. Хигель. Докажите мнѣ это.

Вильгел. У мущинъ доказательство въ головѣ, а у насъ въ сердцѣ.

Ф. Хигель. Желательно, чтобъ сердце почаще совѣтовалось съ головою.

Вильгел. Это скучно.

Ф. Хигель. Или и совсѣмъ съ нею соединилось.

Вильгел. Не лучше ли имъ обвѣнчаться — это было бы еще скучнѣе.

Ф. Хигель. Я бьюсь объ закладъ, что вы во время золотой вашей свадьбы станете защищать супружество съ такимъ же жаромъ, какъ говорятъ объ немъ въ молодости.

Вильгел. Во время золотой свадьбы? Чтобы до этого дожить, такъ надобно сего дня же выйти за мужъ.

Ф. Хигель. Это отъ васъ зависитъ.

Вильгел. Отъ меня? Вотъ что забавно. — Не уже ли можно сказать не подумавши: я сего дни готова отдать свое сердце?

Ф. Хигель. Для чего не такъ? Вѣдь можно же сказать: я сего дня подамъ нищему и обрадую несчастнаго.

Вильгел. Господинъ философъ — вы слишкомъ высоко цѣните дѣвичье сердце.

Ф. Хигель. Я говорю только о вашемъ.

Вильгел. И вѣрно мало его знаете?

Ф. Хигель. Я не знаю вашего сердца? Не уже ли вы думаете, что я въ состояніи позабыть веселые дни дѣтскаго моего возраста? Ахъ! гдѣ тѣ щастливыя времена, когда батюшка вашъ жилъ въ деревнѣ въ сосѣдствѣ съ нами?... Тамъ, каждой лѣтній вечеръ собирались мы въ одно мѣсто, и вы увидѣвши меня еще издали, кланялись и называли своимъ Августомъ. Тамъ — добродушная Вильгельмина часто покидала игру и уходила, чтобъ удѣлить нѣсколько изъ своихъ денегъ бѣдному — или помочь страждущему. Тамъ

брали вы для вашего батюшки ягоды, или собирали цвѣты, чтобъ подарить ихъ въ день рожденія вашей матери— Вильгельмина — Вильгельмина — и вы говорите, что я не знаю вашего сердца!...

Вильгел. (*въ задумчивости*). Да! это подлинно было щастливое время!

Ф. Хигель. Время невинности— и безпечности.

Вильгел. Что можетъ сравниться съ пріятностями первыхъ дней нашей молодости!...

Ф. Хигель. Однѣ только чувствованія первоначальной любви.

Вильгел. Онѣ также скоро проходятъ, какъ и другія.

Ф. Хигель Это правило большаго свѣта, и тамъ только справедливо. Въ городахъ все росписано — ландшафты на полотнѣ — здоровье на щекахъ и любовь на театрѣ. Въ городахъ слова составляютъ пустой только звукъ; въ деревняхъ выражаютъ онѣ сердечное чувство. Въ городѣ говорятъ: слуга покорной— а въ деревнѣ: здравствуй— первое, пустая учтивость— а послѣднее: искренность. — Я васъ обожаю,

говоритъ городской житель кривляясь; я люблю тебя, говоритъ крестьянинъ съ пламенными глазами. Одинъ твердитъ эти слова по сту разъ на день; другой говоритъ однажды во всю жизнь. Для одного любовь есть препровожденіе времени, а для другаго услажденіе жизни. Тамъ одна только пестрота цвѣтовъ, заимствующая блескъ отъ солнца щастія — а здѣсь вѣтвистое дерево, которое защищаетъ отъ дождя и жара. —

Вильгел. Я теперь узнала еще въ первой разъ, что вы стихотворецъ.

Ф. Хигель (*горестно*). Умолкни, бѣдное сердце! чувствованія твои почитаютъ за стихотворство!

Вильгел. Я начинаю васъ бояться —эти мечтанія заразительны.

Ф. Хигель. Мечтанія? Я ужъ не первой разъ слышу, что истинное чувство природы и любви называютъ мечтаніемъ. И для того-то удалился навсегда отъ большаго свѣта и заключился въ самомъ себѣ, стараясь сыскать дѣвушку, которая бы не знатнаго человѣка умѣла предпочесть знатной повѣсѣ; которая бы въ собраніи не

смотрѣла съ презрѣніемъ на деревенскаго жителя, за тѣмъ, что онъ не умѣетъ танцовать, и которая бы за пышнымъ столомъ не почитала молчаливаго за дурака — Ахъ! — я начиналъ думать, что нашелъ ее....

Вильгел. (*въ размышленіи*). И въ этомъ обманулись?

Ф. Хигель (*съ восторгомъ*). Нѣтъ — нѣтъ — я не обманулся — Эта кроткая задумчивость обнаруживаетъ прекрасную вашу душу. Такъ — съ какимъ удовольствіемъ замѣчалъ я, что скука и досада помрачали прелестное лице ваше среди этихъ шумныхъ собраній, и что вы казались тамъ остроумною, гдѣ не могли быть откровенны. — Оставьте этѣ модныя общества, которыя служатъ преградою разуму, а не страстямъ — гдѣ похищаютъ названіе друга праздполюбцы, собравшіеся для препровожденія времени — гдѣ влюбляются не прежде, какъ узнаютъ, сколько за невѣстою приданаго — гдѣ благотворительнымъ почитается тотъ, которой каждую недѣлю даетъ по полушкѣ нищимъ — и гдѣ называютъ набожнымъ того, которой не говоритъ

о вѣрѣ отъ страха, чтобъ его не соблазнили?— гдѣ честнымъ человѣкомъ слыветъ тотъ, которой внутренно презирая сильнаго бездѣльника, ползаетъ передъ нимъ въ публикѣ — гдѣ сожалѣютъ о нещастіи ближняго, сидя за ломбернымъ столикомъ — и при первой картѣ о немъ забываютъ; однимъ словомъ: гдѣ эгоизмъ соединяется съ корыстолюбіемъ — страхъ заставляетъ дѣлать подлости — и обыкновеніе закрываетъ мерзости порока. Удалитесь изъ заразительнаго городскаго воздуха въ деревню, гдѣ всякое благородное чувство пробуждается и находитъ себѣ пищу— Тамъ сердце ваше открыто будетъ ко всему изящному — тамъ любовь и дружество соединяются неразрывнымъ союзомъ — тамъ молятся Богу, взирая съ восхищеніемъ на изпещренное звѣздами небо — дѣлаютъ подаяніе бѣднымъ для того, чтобы помочь, и тщеславіе не смѣшиваетъ фальшивыхъ денегъ съ истинною монетою благотворенія — тамъ весело проводятъ время безъ картъ — разговариваютъ безъ поношенія ближняго — тамъ не стыдятся

любить бѣднаго, но честнаго человѣка, и не боятся бездѣльника называть негодяемъ. Ахъ! — у меня есть малая частица земли, — которую я могу назвать своею — и естьли бы къ тому, что доставляетъ прудолюбіе, щастіе и мое сердце, я могъ бы присовокупить любовь Вильгельмины — то мнѣ осталось бы только пожелать, чтобъ природа оградила этотъ мой рай неприступными горами, и тѣмъ защитила отъ зависти. — Вы молчите — потупляете глаза — и разрываете свой букетъ....

Вильгел. Легкомысліе мое совсѣмъ изчезло въ эту минуту — и это довольно доказываетъ, сколь много я васъ почитаю.

Ф. Хигель. Я горжусь вашимъ уваженіемъ, а щастливъ могу быть одною только любовію.

Вильгел. Прежде, нежели я вамъ буду отвѣчать на это, позвольте спросить: не одна ли красота заставляетъ васъ любить дѣвушку?

Ф. Хигель. Сударыня, — я право объ этомъ никогда не думалъ.

Вильгел. Такъ подумайте теперь.

Вильгел. Мнѣ очень нужно знать это. — Понравилась ли бы я вамъ, естьли бы была дурна и даже безобразна? — Пожалуйте, скажите откровенно.

Ф. Хигель. Извольте — нѣтъ никакого стыда признаться, что молодость и красота много дѣлаютъ на насъ впечатлѣнія—Я могъ бы васъ любить даже и тогда, когдабъ вы дурны были — но сталъ ли бы искать красоты души вашей подъ некрасивою наружностію, и нашелъ ли бы ее такъ скоро—за это не ручаюсь.

Вильгел. Естьли бы вдругъ оспа испортила у меня лицо — или естьлибъ я не такъ была статна въ самомъ дѣлѣ, какъ кажусь по наружности—

Ф. Хигель. Къ чему это, сударыня—

Вильгел. Дѣвушки очень искусно умѣютъ скрывать свои недостатки.

Ф. Хигель. Какая до того нужда.— Я на все рѣшусь.

Вильгел. Нѣтъ, сударь — кто склоненъ обмануть честнаго человѣка, тотъ недостоинъ любви его. (*Хватаетъ его за руку*).—Я—я васъ почитаю—

можетъ быть чувствую что нибудь и болѣе—однако—

Ф. Хигель. Однако?...

Вильгел. Я должна признаться —

Ф. Хигель (*дрожа*). Что сердце ваше занято—

Вильгел. Нѣтъ—оно свободно.

Ф. Хигель. Чтожъ такое?

Вильгел. Я—я кажусь —

Ф. Хигель. Вы точно таковы, какою кажетесь.

Вильгел. Нѣтъ—нѣтъ—я—(*Музыканты вдали играютъ вальцъ*).

Вильгел. (*въ смущеніи*). Опять начали танцовать—пойдемте—

Ф. Хигель. Вы не хотите удостоить меня отвѣта.

Вильгел. Да—да—я вамъ буду отвѣчать — только не теперь — Этотъ вальцъ мнѣ очень нравится — Пойдемте танцовать.

Ф. Хигель. Я теперь не въ состояніи.

Вильгел. Не уже ли? Музыка безподобная—естьли вы не намѣрены—то — извините меня — я пойду искать другую паршію. (*Убѣгаетъ*).

Ф. Хигель (*смотритъ за нею въ слѣдъ почти внѣ себя*). Возможно ли? — Боже мой!... Возможно ли это? Вальцъ помѣшалъ открытію истинной любви! Она нашла честнаго человѣка — и побѣжала искать танцовщика!... Прощай пріятная довѣренность къ невинности и природѣ! — Ступай, Хигель — скройся подъ свою соломенную кровлю! — поливай цвѣты въ своемъ огородѣ — и выгоняй изъ него всякую птицу, которая пѣніемъ своимъ можетъ привесть тебѣ на память этотъ проклятой вальцъ.

(*Уходитъ*).

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эрлахъ (*одинъ*). Всѣ ѣдятъ, всѣ пьютъ — всѣ смѣются — а никто не чувствуетъ истинной радости — Не всегда можно сказать, что тотъ веселъ, кто хохочетъ во все горло. Одинъ восхищается собственнымъ своимъ остроуміемъ — и естьли онъ богатъ или знатенъ, то заставляетъ и другихъ ротъ розинуть. Другой смѣется какой нибудь обоюдности, которую самъ едва понимаетъ, и посматриваетъ на женщинъ, чтобъ повеселиться ихъ смущеніемъ — Тутъ улыбается повѣса, желая тѣмъ прикрыть пустоту свою. А тамъ, коверкается обезьяна отъ того, что у другаго не по модѣ завязаны волосы—Здѣсь словоохотная матушка выхваляетъ остроуміе дѣтей своихъ и заставляетъ слушателей зѣвая улыбаться; а тамъ вертопрахи разсказываютъ соблазнительныя исторіи, и

коварнымъ своимъ смѣхомъ заражаютъ воздухъ; напослѣдокъ и все кончится тѣмъ, что пріѣхавши домой, скажутъ одинъ другому— то-то весело—мы довольно посмѣялись!.... Это не мое дѣло— Кажется что тамъ всѣхъ умнѣе Совѣтница—Естьлибъ она знала, какъ терзается мужъ ея — О! она узнаетъ со временемъ!... Подождать еще мѣсяца два.... Два мѣсяца? — Эрлахъ!... неуже ли ты можешь жить такъ долго въ этой несвойственной тебѣ стихіи?... Для чегожъ не такъ?—Флахсландъ мнѣ другъ — а Эмма.... ну — чтожъ ты остановился, старой младенецъ?... Эмма моя дочь — сестра — пріятельница — все равно, чтобъ она ни была— я ее люблю — и какъ я спасъ ее жизнь — да — да, она очень хороша — одно только мнѣ въ ней не нравится — что она сдѣлалась старѣе осмью годами!...

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭРЛАХЪ и ЭММА.

Эмма (*осматривается во всѣ стороны будто кого-то ищетъ, и увидя Эрлаха говоритъ*). Ахъ! вы здѣсь!...

Эрлахъ. Здѣсь, любезное дитя — не меня ли ты ищешь?

Эмма. Нѣтъ — я ищу одного человѣка — мнѣ надобно съ нимъ поговорить — куда онъ запрятался — Извините — (*Кланяется ему и уходитъ*).

Эрлахъ (*одинъ*). Слуга покорной! — Это не очень учтиво! по крайней мѣрѣ надобнобъ ей остаться на нѣсколько минутъ и сказать хоть слова два о погодѣ — Гмъ! — Кого она ищетъ?—Кто этотъ одинъ человѣкъ? И какое ей до него дѣло? — Одинъ человѣкъ! — Можетъ быть это женщина — нѣтъ — я бьюсь объ закладъ, что мущина—Эмма! — у тебя есть что нибудь на сердцѣ— Да мнѣ какое до того дѣло?... Однакожъ—я ее люблю— я отецъ ее — Хоть бы она мимоходомъ проворчала, кто этотъ одинъ человѣкъ — Вотъ каково, естьли дѣвушка сдѣлается старѣе осьмью годами!...

ЯВЛЕНІЕ III.

ЭРЛАХЪ и СОВѢТНИЦА.

Совѣтница. Вы все ищете уединенія —

Эрлахъ. Здѣсь трудно найти его.

Совѣтница. Какъ это понимать? Въ хорошую или въ худую сторону?

Эрлахъ. Я не люблю спорить о вкусѣ.

Совѣтница. Разумѣю — однакожъ не почитайте за склонность привычку, которой иногда и сами не рады.

Эрлахъ. Что же вамъ препятствуетъ ее оставить?

Совѣтница. Мужу моему такъ угодно.

Эрлахъ. Вашему мужу?

Совѣтница. Когда мы останемся одни, то спрашиваетъ онъ поминутно, не скучно ли мнѣ? не хочу ли я куда нибудь ѣхать? — И не успокоится до тѣхъ поръ, пока я прикажу закладывать карету.

Эрлахъ. Ѣздитъ ли онъ съ вами?

Совѣтница. Очень рѣдко? развѣ по неотступной прозьбѣ.

Эрлахъ. Чѣмъ же онъ занимается?

Совѣтница. Не знаю (*Шутя*). Можетъ быть онъ дѣлаетъ золото — по крайней мѣрѣ по пріѣздѣ моемъ принимаетъ меня очень ласково.

Эрлахъ. Жаль — очень жаль!

Совѣтница. Вы объ этомъ жалѣете?

Эрлахъ. Жалѣю, сударыня, что доброй мой пріятель во время моего отсудствія научился притворяться.

Совѣтница. Притворяться? — Что это значитъ?

Эрлахъ. Это не пристало человѣку въ его лѣта.

Совѣтница. Пожалуйте говорите яснѣе.

Эрлахъ. Ни слова больше, сударыня — мы еще не такъ коротко познакомились.

Совѣтница. Вы умножаете мое любопытство — Сдѣлайте милость, не почитайте меня за такую вѣтреную женщину, которая не можетъ терпѣть, чтобъ ей говорили правду — Мы съ вами не давно еще знакомы; однакожъ это знакомство основано на истинномъ почтеніи, а не на модной учтивости.

Эрлахъ. Естьли вы такъ думаете...

Совѣтница. Точно: все мое удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобъ угождать мужу. Хоть разница въ нашихъ лѣтахъ и велика. Хоть я вышла за него и не по склонности—но въ продолженіи времени мое почтеніе, къ нему превратилось въ любовь — Наша женидьба была не романическая — не быстрое пламя зажгло сердца наши — но медленной и постоянной огонь супружества согрѣлъ ихъ — Послѣ этаго вы можете смѣло говорить. Естьли же и теперь еще опасаетесь, то я спрячусь за этѣ деревья — а вы будто бы наединѣ скажите все, что у васъ на сердцѣ.

Эрлахъ. Браво!—это мое дѣло! — — У кого такой образъ мыслей, того я почитаю, а кого почитаю, тому говорю правду.

Совѣтница. Извольте.

Эрлахъ. Скажите мнѣ, какъ умная и чувствительная женщина можетъ при себѣ терпѣть такихъ дураковъ?...

Совѣтница. Ахъ, сударь! — естьли выгнать отсюда всѣхъ дураковъ, то компанія наша будетъ очень не велика.

Эрлахъ. Чѣмъ меньше, тѣмъ лучше— Истинная веселость и благоразуміе въ пышныхъ собраніяхъ никогда не имѣютъ мѣста. — Вашъ супругъ обманулъ васъ, увѣривши, что этотъ образъ жизни ему пріятенъ.

Совѣтница. Это для меня очень тяжело.

Эрлахъ Онъ думалъ, что обязанъ дѣлать это снисхожденіе для вашей молодости.

Совѣтница Ни мало не обязанъ!

Эрлахъ. Онъ боялся, чтобъ вы не догадались —

Совѣтница. Что такое?

Эрлахъ. Что онъ ревнивъ.

Совѣтница. Ревнивъ? Вы шутите?

Эрлахъ Я увѣряю васъ, что онъ во всю нынѣшнюю ночь не заснулъ ни на минуту — что онъ терзался мысленно до самаго разсвѣта, и что онъ—почти задрожалъ, какъ услышалъ, что пріѣхала ваша каретa.

Совѣтница. Удивляюсь.

Эрлахъ. Это мнѣ жизни будетъ стоить, вскричалъ онъ горестно!—Но тщетно стараюсь я преодолѣть свою слабость.

Совѣтница. Боже мой!—Для чегожъ онъ мнѣ этаго не скажетъ?

Эрлахъ. Ложной стыдъ препятствуетъ ему открыться.

Совѣтница. Очень хорошо! До сихъ поръ выборъ моихъ знакомыхъ зависѣлъ единственно отъ случая—теперь я предоставляю это ему: пусть онъ руководствуетъ мнѣ во всемъ — я буду просить его сего дня же назначить тѣхъ особъ, съ которыми мнѣ должно обходиться.

Эрлахъ. Я думаю, что ихъ немного будетъ.

Совѣтница. Какъ, сударь — развѣ здѣсь мало умныхъ людей.

Эрлахъ. Сударыня, извольте припомнить, что чѣмъ болѣе гостей, тѣмъ болѣе расходу.

Совѣтница. Что вы подъ этимъ разумѣете? Мужъ мой довольно богатъ.

Эрлахъ. Да—онъ былъ богатъ.

Совѣтница. А теперь?

Эрлахъ. И теперь не бѣденъ — но естьли проживетъ еще нѣсколько времени такъ, какъ онъ жилъ послѣдніе три года....

Совѣтница. Вы меня пугаете....

Эрлахъ. И расходы будутъ превышать доходы —

Совѣтница. Ахъ, Боже мой!

Эрлахъ. То онъ принужденъ будетъ приняться за наслѣдство дѣтей своихъ....

Совѣтница. И онъ мнѣ объ этомъ до сихъ поръ не сказалъ ни слова?

Эрлахъ. Это отъ ложнаго стыда. Чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ меньше уваженія.

Совѣтница. Только не въ моихъ глазахъ.

Эрлахъ. Давно хочется ему ѣхать въ деревню.

Совѣтница. Съ охотою — съ охотою — нынѣ же.

Эрлахъ. Но онъ думаетъ, что сельское единообразіе при вашей молодости....

Совѣтница. Ахъ! какъ это мнѣ больно, что онъ не хочетъ взять труда узнать меня короче!— что чужой человѣкъ обходится со мною откровеннѣе, нежели мужъ, котораго любовью я всегда гордилась.—Мнѣ похищать имѣніе у дѣтей его! — Мнѣ лишать его

спокойствія!... Мнѣ расточать то, что собрано родительскимъ стараніемъ!... Ахъ! для чего онъ меня не испыталъ!... Почему онъ думаетъ, что обхожденіе съ этими куклами для меня пріятнѣе, нежели тихая домашняя жизнь съ разумнымъ супругомъ. — Мужья часто упрекаютъ насъ въ слабостяхъ; но это совсѣмъ не слабости, а одна только покорность. Отъ нихъ единственно зависитъ наше исправленіе — Вы думаете, что женская любовь несовмѣстна съ правдою—вы требуете постоянства, твердости духа—а сами это разстроиваете лестью— Но я теряю время въ жалобахъ и разсужденіяхъ тогда, какъ надобно дѣйствовать— Прощайте, сударь — вы скоро услышите, что я достойна вашей пріязни. (*Уходитъ въ сильномъ движеніи*).

Эрлахъ (*одинъ*). Браво! это мое дѣло. Естьли она сдержитъ свое слово, то я здѣсь останусь. — Но—естьли останусь, то этой дѣвушкѣ надобно быть поумнѣе — не бѣгать отъ меня, сдѣлаться откровенною — Мнѣ очень хочется узнать, нашла ли она проклятаго своего одного человѣка?...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фонъ ХИГЕЛЬ и ЭРЛАХЪ.

(*Хигель идетъ въ задумчивости*).

Эрлахъ. Вотъ еще одинъ вырвался изъ этой бѣшеной толпы и не можетъ опомниться. Добро пожаловать, сударь — поздравляю васъ.

Ф. Хигель (*испугавшись*). Съ чемъ?

Эрлахъ. Съ уединеніемъ. Вы вѣрно были тамъ не на своемъ мѣстѣ.

Ф. Хигель Ваша правда — Я въ деревнѣ только бываю на своемъ мѣстѣ.

Эрлахъ. Вы этимъ дѣлаете себѣ много чести.

Ф. Хигель. Естьли склонность къ деревенской жизни составляетъ достоинство; то я долженъ его раздѣлять съ каждымъ крестьяниномъ.

Эрлахъ. Не уже ли черезъ то цѣна его уменьшится?

Ф. Хигель. Многіе такъ думаютъ.

Эрлахъ. Такіе же, какъ этотъ Французской повѣса, которой заражаетъ здѣсь воздухъ.

Ф. Хигель. Ахъ, нѣтъ! гораздо лучшіе люди подвержены этому — на при-

мѣрѣ этотъ Французъ—я не хочу осуждать его — умѣлъ понравиться—

Эрлахъ. Кому?

Ф. Хигель. Онъ успѣваетъ въ своемъ намѣреніи.

Эрлахъ. Въ какомъ?

Ф. Хигель. Можетъ быть она его любитъ.

Эрлахъ. Кто?

Ф. Хигель. Дѣвушка, которая имѣетъ всѣ совершенства, кромѣ одной прозорливости; она-то и препятствуетъ ей выбрать обожающаго ее человѣка.

Эрлахъ. Скажите, что это за дѣвушка? а человѣка, которой ее обожаетъ, я знаю.

Ф. Хигель. Знаете?

Эрлахъ. Знаю— знаю— даромъ, что я не сердцевѣдецъ — Назовите мнѣ эту дѣвушку.

Ф. Хигель. Вамъ не трудно угадать ее по моему описанію: я сказалъ, что она заключаетъ въ себѣ всѣ совершенства.

Эрлахъ. Слуга покорной!— (*Про себя*) Вѣрно онъ говоритъ объ Эммѣ! — (*Въ*

слухъ). Вы думаете, что она любитъ этаго Француза?

Ф. Хигель. Кажется.

Эрлахъ (*про себя*). Вѣрно это тотъ одинъ человѣкъ, котораго она такъ прилѣжно искала.

Ф. Хигель (*скоро*). Какъ, сударь—она искала...

Эрлахъ. Да—да—искала одного человѣка — чтобъ его чортъ побралъ — и съ такою торопливостью, что чуть было съ ногъ меня не сшибла.

Ф. Хигель. Въ самомъ дѣлѣ?

Эрлахъ. Она сказывала, что ей крайне нужно поговорить съ нимъ.

Ф. Хигель. Жаль, что она его напрасно проищетъ— онъ недавно уѣхалъ прогуливаться съ двумя Камеръ-Юнкерами.

Эрлахъ. Чтобъ ему сквозь землю провалиться!— Прекрасная, добрая дѣвушка — только стара... стара —

Ф. Хигель. Стара? ей не больше шестнадцати лѣтъ.

Эрлахъ. Тѣмъ хуже.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ и ЭММА.

Эмма (*увидя фонъ Хигеля вскрикиваетъ*). А! вы здѣсь!

Ф. Хигель (*съ удивленіемъ*). Я, сударыня?..

Эрлахъ (*также*). Онъ.

Эмма. Я васъ ищу цѣлой часъ.

Ф. Хигель. Я былъ тамъ на лугу—и совсѣмъ не думалъ, чтобы кто нибудь имѣлъ до меня нужду.

Эрлахъ. Такъ этотъ-то одинъ человѣкъ, котораго ты искала?

Эмма. Да, сударь—мнѣ надобно поговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ.

Эрлахъ. И вѣрно по секрету?

Эмма. У меня для васъ нѣтъ никакихъ секретовъ — это дѣло касается до моей подруги.

Эрлахъ (*съ чувствомъ*). Да — да — понимаю—вывѣдывать не мое дѣло — Я узнаю этотъ секретъ по свадебнымъ билетамъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЭММА и фонъ ХИГЕЛЬ.

Эмма. Мнѣ препоручено вамъ нѣчто сказать.

Ф. Хигель. Естьли это нѣчто будетъ не въ мою пользу — какъ я и надѣюсь,—такъ по крайней мѣрѣ утѣшительно для меня то, что узнаю его отъ такой любезной вѣстницы.

Эмма. Я надѣюсь быть вѣстницею мира.

Ф. Хигель. Миръ всегда предполагаетъ ссору—и я не знаю —

Эмма. Вы сказали моей подругѣ, что вы ее любите.

Ф. Хигель. Только сказалъ?

Эмма. Прошу не привязываться къ словамъ.

Ф. Хигель. Такъ — къ нещастію, я люблю ее.

Эмма. Почемужъ къ нещастію?

Ф. Хигель. Я деревенской житель, и на одну минуту позабылъ о томъ — Вильгельмина меня очень обидѣла — этаго я не прощу ей никогда.

Эмма. Обидѣла? — это сказано грубо.

Ф. Хигель. Самая вещь была гораздо грубѣе, нежели выраженіе.— Кто на важные вопросы отвѣчаетъ однѣми шутками, и тащитъ растроганнаго человѣка противъ воли танцовать — тотъ обижаетъ очень жестоко.

Эмма. Остановитесь, сударь — не осуждайте такъ опрометчиво—чтобъ послѣ не раскаяваться. Не уже ли вы почитаете замѣшательство чувствительной дѣвушки за бездѣлицу? Я вамъ должна сказать, что большая часть глупостей, въ которыхъ обвиняютъ насъ мущины, происходятъ единственно отъ этаго замѣшательства; что еслибъ Вильгельмина васъ любила, но при всемъ томъ боялась открыться въ недостаткѣ, которой по ее мнѣнію можетъ уменьшить достоинство ее въ глазахъ вашихъ. . .

Ф. Хигель (*съ горькою усмѣшкою*). Скажите, что такое?

Эмма. Есть недостатки, которые намъ кажутся очень важными, но которые по щастію маловажны для васъ. Дѣвушки часто бываютъ въ самомъ дѣлѣ не таковы, какими кажутся: но обманывая публику, не должны онѣ об-

манывать тѣхъ, которые хотятъ на нихъ жениться.

Ф. Хигель. Вильгельмина не такова, какою кажется — я ничего не понимаю.

Эмма. Она изрядная дѣвушка.

Ф. Хигель. О! конечно!

Эмма. Красавица.

Ф Хигель. Объ этомъ нѣчего и говорить.

Эмма. Однимъ словомъ, она не имѣетъ въ вашихъ глазахъ никакого порока.

Ф. Хигель. Вы все шутите.

Эмма. Мущина — а особливо влюбленной — легко ошибиться можетъ — но женщина тотчасъ примѣтитъ все—

Ф. Хигель. Сдѣлайте милость, говорите яснѣе.

Эмма. Извольте— Давишней поступокъ Вильгельмины произошелъ отъ того, что она стыдилась — а при всемъ томъ почитала за необходимое— сказать вамъ—что она— Какая странность!.. мнѣ самой почти стыдно— (*скоро*) что она кривобока — На силу выговорила.

Ф. Хигель. Кривобока?

Эмма. На лѣвую сторону. Кормилица однажды уронила ее съ лѣстницы— поршной умѣлъ это скрыть очень искусно, — но она въ глазахъ будущаго своего супруга не хочетъ казаться лучшею, нежели въ самомъ дѣлѣ. Вотъ вамъ вся загадка. Ложный стыдъ не допустилъ ее лично вамъ въ этомъ открыться. Есть много дѣвушекъ, которыя скорѣе признаются въ недостаткѣ разума, нежели въ недостаткѣ наружности— Но Вильгельмина не принадлежитъ къ этому числу — она не могла сама вамъ разсказать объ этомъ, и просила меня. Теперь вы все знаете. — У ней есть недостатокъ тѣлесной, но за то много достоинствъ душевныхъ. Эмма! сказала она мнѣ потихоньку — я люблю его — дай ему это слегка почувствовать. Я сказала очень ясно, и скоро узнаю, не должно ли мнѣ будетъ раскаяваться въ моей торопливости.

Ф. Хигель (*съ восхищеніемъ*). Не сонъ ли это! Вильгельмина! — благородная душа!.. гдѣ — гдѣ она?...

Эмма. Смѣю ли спросить, сударь, какое ваше намѣреніе. —

Ф. Хигель. И вы еще спрашиваете? — она моя невѣста.

Эмма. Я такъ и думала—теперь поди-те къ ней — я вамъ не скажу, гдѣ она — женихъ невѣсту вездѣ сыщетъ.

Ф. Хигель (*уходя съ поспѣшностію*). Вильгельмина — Вильгельмина!...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Эмма (*одна*). Поди — поди — ты не скоро найдешь ее. Она теперь отъ ложнаго стыда далеко запряталась. Какъ забьется у ней сердце, когда она представитъ себѣ, что я съ нимъ говорю. (*Вздыхаетъ*). Что это? и я вздыхаю! не ужли я завидую щастію моей подруги ?.... Нѣтъ — нѣтъ! — однакожъ въ этомъ не стыдно признаться.— Завидна участь той дѣвушки, которая нашла себѣ достойнаго супруга ! — ... Эрлахъ кажется осердился на меня — ему досадно стало , что я осталась съ фонъ Хигелемъ—отъ чего бы это? .... (*Молчаніе*) Эмма ! Эмма ! .... не сказывай никому, о чемъ ты теперь думала. (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЭММА и Гжа. МОРО (*одѣта очень бѣдно, но опрятно: сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается и опершись на трость, осматривается кругомъ. Наконецъ подходитъ къ Эммѣ, не будучи ею примѣчена, — и оглядываетъ ее съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ состраданіемъ*).

Гжа. Моро. Извините, сударыня.

Эмма (*приходя въ себя*). Ахъ! — кто вы таковы? кого вамъ надобно?

Гжа. Моро. Не здѣсь ли живетъ Господинъ Совѣтникъ Флахсландъ?

Эмма. Здѣсь.

Гжа. Моро. Вы вѣрно дочь его?

Эмма. Я бы желала быть его дочерью — Вамъ хочется съ нимъ поговорить?

Гжа. Моро. Естьли можно.

Эмма. Пойдемте—я васъ провожу.

Гжа Моро. Нѣтъ ли у него гостей?

Эмма. Я думаю, что онъ одинъ

Гжа. Моро. Естьли такъ, то попросите его, чтобъ онъ потрудился сойти сюда—у меня почти нѣтъ силъ взойти на лѣстницу.

Эмма. Хорошо — подождите — я скажу ему.

Гжа. Моро. Есть ли у него дѣти?

Эмма. Сынъ въ службѣ и одна дочь.

Гжа. Моро. Жаль, что это не вы!..

Эмма. Много чести. Какъ прикажете объ васъ сказать?

Гжа. Моро. Скажите, что пришла бѣдная старушка — больше ничего. Я увѣрена, что здѣсь для бѣдности ни двери, ни сердца не закрыты.

Эмма. По этому вы очень хорошо знаете Совѣтника; онъ тотчасъ придетъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гжа. Моро (*одна*). Не уже ли это правда?.. Ахъ, надежда очень обманчива! Съ молодыхъ своихъ лѣтъ былъ онъ кротокъ и добросердеченъ — но старость, можетъ быть, его ожесточила— Чего мнѣ надѣяться отъ брата, когда единственной мой сынъ... Тс.... не говори такъ громко, бѣдная мать.... представь лучше себѣ, что это было во снѣ, и не сказывай никому.... Не станетъ ли и онъ

меня стыдиться? — У богатыхъ вездѣ родственники — а у бѣдныхъ — одна только нищета составляетъ все семейство. Назовусь чужимъ именемъ, и стану примѣчать его поступки. . . . Лучше быть предметомъ его благодѣянія, нежели призвать въ помощь тягостную должность . . . . Кто-то идетъ по аллеи—Не братъ ли? кажется, что онъ. . . Боже мой — какъ сердце у меня бьется! . . . Не опкрыться бы прежде времени. . . . О! естьли надобно будетъ этотъ домъ оставить, то гдѣ я найду мѣстечко, на которомъ бы могла умереть спокойно?

ЯВЛЕНІЕ X.

СОВѢТНИКЪ и Гжа. МОРО.

Совѣт. Мнѣ сказывали, что вы имѣете до меня нужду — чѣмъ я могу служить?

Гжа. Моро. Я эмигрантка — у меня былъ домъ — мужъ и дѣти, — а теперь не осталось ничего, кромѣ этой трости— При всемъ томъ я соглашусь лучше умереть съ голоду, нежели просить милостыни. Въ молодыхъ моихъ

лѣтахъ я кое чему училась, и теперь надѣюсь какъ нибудь прокормить себя тѣмъ, что прежде служило мнѣ забавою. Я умѣю шить — мыть бѣлье и готовить кушанье — Позвольте спросить, сударь, не надобно ли вамъ казначеи?

Совѣтн. Къ крайнему сожалѣнію долженъ я вамъ сказать, что она мнѣ не нужна.

Гжа. Моро. Можетъ быть у васъ есть маленькія дѣти; я бы могла ихъ учить по-Французски и по-Англински.

Совѣтн. У меня есть дочь, но она ужъ почти невѣста.

Гжа. Моро. Ахъ, Боже мой! — такъ я и здѣсь не могу сыскать себѣ отрады! . .

Совѣтн. Не печальтесь: у меня есть пріятели, которымъ я могу васъ рекомендовать — Во ожиданіи этаго здѣсь найдется для васъ комната и мѣсто за моимъ столомъ.

Гжа. Моро. Да наградитъ васъ самъ Богъ за ваше добродушіе! . . . О! пріятельница моя правду сказала, что я найду въ этомъ домѣ убѣжище! . . .

Совѣтн. Ваша пріятельница? кто она такова?

Гжа. Моро. Я родомъ изъ Ліона — и тамъ имѣла случай познакомиться съ одною женщиною, которая называлась Филиппина Моро —

Совѣтн. Боже мой! — это сестра моя — Скажите — скажите скорѣе: жива ли она? . . .

Гжа. Моро. Она умерла!

Совѣтн. Умерла! . . . . (*Заливается слезами — отворачивается и прислонясь къ дереву плачетъ*).

Гжа. Моро (*про себя съ поднятыми къ верьху руками*). Онъ меня любитъ — Есть еще на свѣтѣ человѣкъ, которой меня любитъ!

Совѣтн. (*съ потупленными глазами*). Первое извѣстіе черезъ двадцать пять лѣтъ: она умерла!

Гжа. Моро. И умерла въ великой бѣдности.

Совѣтн. Ахъ! для чего она забыла своего брата?

Гжа. Моро. Она не забыла — но стыдилась. — Не ужли я должна, говорила она, притти къ нему въ этомъ руби-

щѣ . . . Можетъ быть онъ станетъ упрекать меня —

Совѣтн. Не ужли она не знала сердца своего Вильгельма ! . . .

Гжа. Моро. Развѣ мнѣ за тѣмъ возвратиться въ домъ отца моего, продолжала она, чтобы получить въ наслѣдство его проклятіе . . . .

Совѣтн. Отецъ и мать благословляли ее на смертномъ одрѣ своемъ.

Гжа. Моро. Благословляли? . . О! для чего не могу я эту радостную вѣсть принести на гробъ моей пріятельницы ! . .

Совѣтн. Долго — долго надѣялся я, что она вспомнитъ своего брата, которой еще и въ ребячествѣ такъ много любилъ ее!

Гжа. Моро (*съ жаромъ*) Такъ — такъ — это правда — (*опомнившись*) она мнѣ часто объ этомъ разсказывала.

Совѣтн. Желаніе, увидѣть ее, возрастало во мнѣ вмѣстѣ съ этими деревьями.— Посмотрите — на эти двѣ липы— мы ихъ вмѣстѣ съ нею посадили — одну я, а другую сестра моя — Въ продолженіе времени вѣтьви ихъ

свились между собою—но сердца наши на вѣки разлучились.

Гжа. Моро (*будучи растрогана*). Нѣтъ — нѣтъ!—

Совьтн. Эту бесѣдку насадила добрая наша мать за годъ до своей смерти.—Я не довижу до того, сказала она, чтобъ эти деревья выросли; но можетъ быть ты съ сестрою будешь когда нибудь сидѣть въ ней и вспоминать обо мнѣ.

Гжа. Моро (*тщетно старается удержать свои слезы*). Я не въ силахъ болѣе удерживаться!

Совьт. Я завидую нашимъ предкамъ въ пріятномъ ихъ суевѣріи — и охотно бы желалъ увѣрить, что духъ моей матери живетъ подъ этими липами!

Гжа. Моро (*бросаетъ свою трость*). Любезный братъ! — Вильгельмъ! —

Совьтн. (*спѣшитъ къ ней*). Боже мой! —что это значитъ?

Гжа. Моро (*бросается на колѣни и распростираетъ руки*). Вильгельмъ. — любезный братъ! —

Совьтн. (*бросается въ ея объятія*). Филиппина! — это ты? . .

Гжа. Моро. Я!—не проклинай меня!

Совѣтн. Мнѣ проклинать тебя?.... (*Молчаніе*).

Гжа Моро. Вильгельмъ—помоги мнѣ дойти до этихъ липъ — которыя посажены были въ день рожденія нашей матери. Тогда стоя подлѣ ихъ, обнимали мы другъ друга; и она смотря на насъ, улыбалась. — Теперь хочу я подъ тѣнію ихъ прижать тебя къ своему сердцу— и она съ небеснаго своего жилища взглянетъ на насъ и улыбнется.

Совѣтн. (*ведетъ ее подъ липы, сажаетъ на дерновую софу и обнимаетъ съ горячностію, взирал на небо*). Матушка! — призри на насъ — Эти пріятныя минуты ты испросила намъ у Бога!

Гжа. Моро (*кладетъ голову на грудь его*). Дай мнѣ здѣсь умереть!

Совѣтн. Здѣсь будемъ приводить себѣ на память веселые дни нашей молодости — Станемъ разсматривать каждое деревцо, съ котораго тогда рвали плоды — каждое мѣстечко, на которомъ отдыхали — потомъ поведу я тебя въ комнаты, покажу горницу, въ которой ты жила — Тамъ увидишь ты черной столъ, на которомъ мы ри-

совали—и шкафъ, въ которомъ ты прятала для меня конфекты. (*Взглядываетъ на сестру, которая почти безъ чувствъ лежитъ на груди его*). Ты меня не слушаешь—сестрица—что съ тобою сдѣлалось?— ты поблѣднѣла—Боже мой— Эй! помогите — помогите! —

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПРЕЖНІЕ, ЭММА и ИВАНЪ (*вбѣгаютъ съ разныхъ сторонъ*).

Иванъ. Что такое?

Эмма. Ахъ! бѣдная старушка занемогла!

Совьтн. Это сестра моя!...

Эмма. Сестра ваша?... (*Помогаетъ Госпожѣ Моро, которая мало по малу приходитъ въ себя*).

Иванъ. Не ужли это Госпожа Филиппина?

Совьтн. Такъ, доброй старикъ — Мы часто оплакивали ея потерю, а теперь станемъ радоваться о ея возвращеніи.

Иванъ. Она опять пріѣхала — слава Богу! Я никогда не думалъ имѣть при

старости такое удовольствіе. Сударыня—узнаете ли вы стараго Ивана?

Гжа. Моро (*подаетъ ему руку*). Ты живъ еще?

Иванъ. Живъ, благодарю Бога — и крестникъ вашъ еще не умеръ.

Эмма. Позвольте отвести васъ въ комнату, сударыня — тамъ будетъ вамъ спокойнѣе.

Гжа. Моро. Нѣтъ, любезное дитя! теперь свѣжей воздухъ—и предметы, которые меня окружаютъ—самое лучшее мнѣ лекарство.

Совѣтн. Естьли любовь моя такъ цѣлительна, то для чего давно не спѣшила ты въ мои объятія?

Гжа. Моро. Прости меня, братецъ! —простите, добрые мои родители! — Когда я приходила въ состояніе преодолѣть стыдъ мой, то полагала мнѣ судьба непреодолимое препятствіе. Я уѣхала отсюда въ Ліонъ съ моимъ мужемъ—родители его, имѣя другія намѣренія, чрезвычайно на него разсердились—и выгнали изъ дому — Мы принуждены были ожидать отъ времени перемѣны судьбы своей, и получа

малое вспоможеніе отъ одного пріятеля, отправились въ Америку

Совьтн. Въ Америку?

Эмма. Въ Америку — смѣю ли спросить, въ какомъ городѣ вы тамъ остановились?

Гжа. Моро. Въ Чарлстовнѣ.

Эмма. Ахъ, Боже мой! — (*Слушаетъ съ великимъ трепетомъ, стоя передъ Госпожею Моро, которая не примѣчая этаго продолжаетъ*).

Гжа. Моро. Трудолюбіе моего мужа доставляло намъ очень малое пропитаніе: при всемъ томъ мы были довольны—Союзъ любви нашей еще болѣе укрѣпился, когда я родила ему сына и дочь.

Эмма. И дочь?

Совьтн. Гдѣжъ она?

Гжа. Моро. Ахъ!—не спрашивай объ этомъ—Небо хотѣло наказать меня за печали, которыя я причинила моимъ родителямъ. Война, которую вела Америка за свою вольность, раззорила насъ совершенно — и мы возвратились опять въ Европу Свекровь моя была еще жива— она насъ простила, и мы нѣсколько времени наслаждались

спокойствіемъ, какъ ужасная революція во Франціи разрушила опять наше щастіе — Мужъ мой былъ ревностной патріотъ, и сдѣлался жертвою безначалія — а сынъ—обольщенной юноша —выѣхалъ съ какими-то знатными повѣсами— Ахъ! имъ удалось сдѣлать его суетнымъ, самолюбивымъ повѣсою и истребить въ немъ всѣ чувства природы и должности. Не могу вспомнить безъ стыда, что онъ первой попался мнѣ въ здѣшнемъ городѣ.

Совѣтн. Онъ здѣсь?

Гжа. Моро. Здѣсь: я его тотчасъ узнала — и лишилась послѣдняго удовольствія въ этомъ сумнѣваться — Въ провожаніи бѣшеной толпы ѣхалъ онъ мимо меня—Сынъ мой!— вскричала я и бросилась на колѣни — онъ услышалъ мой голосъ, взглянулъ на меня мимоѣздомъ, покраснѣлъ— и повода задрожали въ рукахъ его. Что это значитъ?— спрашивалъ его одинъ изъ окружающихъ— Мой сынъ, вскричала я, поднявши руки— Ахъ! — ему— стыдно стало видѣть меня въ такомъ положеніи— Это какая нибудь сумасшедшая, сказалъ онъ — и ускакалъ.

Совѣтн. Нещастная!

Иванъ. Боже мой!—какую негодную праву терпишь Ты въ прекрасномъ саду Своемъ!

Гжа Моро. Я повинуюсь безъ роптанія наказующему меня Провидѣнію— Какъ скоро я взглянула еще издали на домъ моихъ родителей, тотчасъ пробудилось во мнѣ чувствованіе моего преступленія, и явился мнѣ сынъ мой, чтобъ воздать мнѣ равнымъ за равное. Я не ропщу на то—кто оставилъ отца и мать, тотъ заслуживаетъ самъ остаться одинъ на старости.

Совѣтн. Но дочь твоя? . .

Гжа. Моро. Она умерла бѣдственнымъ образомъ.

Эмма. Умерла?— когда?— гдѣ?

Гжа. Моро. Я вамъ разскажу — Англичане и Гессенцы осаждали Чарлстовнъ —

Эмма (*внѣ себя*). Англичане ?

Совѣтн. Далѣе— далѣе—

Гжа. Моро. Въ одну страшную ночь взятъ былъ городъ приступомъ, разграбленъ и сожженъ — всѣ старались спастись бѣгствомъ — въ томъ числѣ и я съ моимъ мужемъ и дочерью; сынъ

также бѣжалъ съ нами — мы были у самыхъ воротъ, какъ обвалившаяся кровля упала на моего мужа, и въ тужъ минуту толпа тѣснившихся въ этой улицѣ жителей вынесла меня безъ чувствъ за вороты. Два дни спустя послѣ этаго приключенія, скитаясь по лѣсу, нашла я своего супруга — онъ спасся — а Эмма погибла.

Эмма. Эмма?... Боже мой!— (*Бросается передъ нею на колѣни*).

Гжа. Моро. Что это значитъ?

Совѣтн. (*трепещущимъ голосомъ*). Сестрица— и эта дѣвушка называется Эмма—и ее нашли по взятіи Чарлстовна въ дымящихся еще развалинахъ.

Гжа. Моро. Что ты говоришь?

Совѣтн. Нѣтъ ли у тебя какой нибудь примѣты, по которой бы могла ты узнать дочь свою?

Гжа. Моро. Никакой нѣтъ!

Совѣтн. Сколько ей было лѣтъ тогда?

Гжа. Моро. Восемь.

Совѣтн. У ней на платьѣ вышиты двѣ литеры А и М.

Гжа. Моро (*почти безъ чувствъ*). Амалія Моро!

Совѣтн. Это она!

Эмма (*бросаясь къ ней въ объятія*). Матушка! матушка!

(*Гжа Моро упадаетъ безъ чувствъ на руки своего брата. Иванъ рыдаетъ и отираетъ у себя глаза*).

(*Занавѣсъ опускается*).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЭРЛАХЪ и СОВѢТНИКЪ.

(*Эрлахъ входитъ съ поспѣшностію, останавливается посреди театра и погружается въ мрачную задумчивость; потомъ вдругъ ударивъ тростью въ землю, будто бы хотѣлъ сказать — этому непремѣнно быть должно— бѣжитъ вонъ и встрѣчается съ Совѣтникомъ, которой его удерживаетъ*).

Совѣтн. Куда—куда?

Эрлахъ. Я ѣду.

Совѣтн. Что тебѣ сдѣлалось?

Эрлахъ. Ничего.

Совѣтн. Странно!

Эрлахъ. Пусть будетъ проклятъ тотъ часъ, въ которой я сюда вздумалъ пріѣхать.

Совѣтн. Не бредишь ли ты?

Эрлахъ. Нѣтъ — нѣтъ — говорю я тебѣ — это не мое дѣло — и никогда не будетъ.

Совѣтн. Что это значитъ?

Эрлахъ. Флахсландъ!—давно ли ты не видалъ дураковъ? Посмотри на меня — я настоящій дуракъ!

Совѣтн. Чудной человѣкъ! — что съ тобою сдѣлалось? — Мы ищемъ тебя цѣлой часъ.

Эрлахъ. Меня? — меня никто не ищетъ—да— естьли бы я былъ одинъ человѣкъ —

Совѣтн. На силу мы увидѣли тебя на лугу—ты расхаживалъ взадъ и впередъ очень скоро и дѣлалъ странные жесты —

Эрлахъ. До этаго никому нѣтъ дѣла.

Совѣтн. Я спѣшу разсказать тебѣ—

Эрлахъ. Я все знаю.

Совѣтн. Не можетъ быть — это самое нечаянное открытіе.

Эрлахъ. Перестань— говорю я тебѣ — я все знаю — она идетъ замужъ — не правда ли?—за Господина фонъ Хигеля — не правда ли? —

Совѣтн. Мнѣ только теперь объ этомъ сказали.

Эрлахъ. Вотъ тебѣ разъ! — такъ это правда?— Прощай.

Совѣтн. Боже мой! что ты дѣлаешь?

Эрлахъ. Неужли ты хочешь, чтобъ я былъ на свадьбѣ шутомъ?

Совѣтн. Братъ! — ты самъ на себя не походишь.

Эрлахъ. Я теперь дуракъ первой разъ въ моей жизни — но за то ужъ дуракъ совершенной!

Совѣтн. Какая тебѣ нужда до этой свадьбы?

Эрлахъ. Поди прочь — не мучь меня своими вопросами — не уже ли ты такъ глупъ, что самъ не догадаешься? — Да — я тебя давича бранилъ за ложной стыдъ — и чтобы ты не подумалъ, что онъ есть и во мнѣ.... то слушай — я тебѣ все скажу, во что бы то ни стало — Я — что за дьявольщина — я — наконецъ надобно будетъ задохнуться — я влюбленъ!.. (*Зажимаетъ ему ротъ*). Только ни слова — никому ни слова —

Совѣтн. Ты влюбленъ? Ха! ха! ха!

Эрлахъ. Смотри пожалуй! — онъ смѣется!...

Совѣтн. Нѣтъ — я сожалѣю о тебѣ — Естьлибъ я узналъ это ранѣе —

Эрлахъ. Такъ ты бы ее уговорилъ? Чортъ побери все — ей не надобно этаго знать — и естьли ты хоть заик-

нешься — то я тебя застрѣлю, и себя тутъ же.

Совѣтн. Этаго бы никто не угадалъ —въ твои лѣта—мудрено влюбиться.

Эрлахъ. Правда.

Совѣтн. Не хорошо быть невольникомъ собственнаго своего сердца.

Эрлахъ. Да, да —

Совѣтн. Лучше застрѣлиться.

Эрлахъ. Не долго.

Совѣтн. Братъ— не сердись на мою дружескою шутку—повѣрь мнѣ, что я очень почитаю фонъ Хигеля, однакожъ желалъ бы лучше видѣть тебя на его мѣстѣ.

Эрлахъ. Брр!

Совѣтн. Теперь надобно тебѣ сказать —

Эрлахъ. Я ничего не хочу знать — сдѣлай милость, пошли скорѣе за лошадьми.

Совѣтн. Такъ ты уѣдешь непремѣнно?

Эрлахъ. Уѣду—и естьли ты знаешь какое нибудь мѣсто, гдѣ бы не было женщинъ — то — назови мнѣ скорѣе — (*Осматривается*) Вотъ она идетъ—какъ

томно повѣсила голову—вѣрно хочетъ просить у меня благословенія.

Совѣтн. Кто?

(*Эрлахъ указываетъ назадъ рукою не оглядываясь*).

Совѣтн. Я никого не вижу, кромѣ Эммы.

Эрлахъ. Когожъ тебѣ еще надобно? — Ахъ братъ — какъ жалко, что она стала старѣе осьмью годами!

Совѣтн. Развѣ ты объ ней говорилъ?

Эрлахъ. О комъ же?

Совѣтн. Она выходитъ за Господина фонъ Хигеля?

Эрлахъ (*горестно*). Я ужъ давно это знаю.

Совѣтн. Ха! ха! ха! Вотъ что забавно! — Эрлахъ! я тебя оставляю; поговори съ ней.

Эрлахъ (*одинъ*). Онъ надо мною смѣется! это обыкновенно такъ бываетъ— влюбись только — то всѣ бѣды на тебя оборотятся — Онъ оставилъ меня съ ней наединѣ — Да хочу ли я говорить съ ней? — Нѣтъ — лучше уйти —Прощайте, сударыня — естьли тебѣ опять случится попасть въ развалины

— то чортъ меня возьми — Эрлахъ! — Эрлахъ!—не надобно ни за что ручаться — Она подходитъ — какая мнѣ нужда?— Но естьли я уйду, то она подумаетъ, что я отъ ней бѣгаю — Нѣтъ — нѣтъ, сударыня—вы еще не такъ опасны — Сяду здѣсь въ бесѣдкѣ — можетъ быть она опять ищетъ любезнаго своего одного человѣка.—(*Садится въ бесѣдкѣ и чертитъ тростью на пескѣ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭММА и ЭРЛАХЪ.

Эмма (*не видя Эрлаха подходитъ медленными шагами къ липамъ, смотритъ на нихъ съ чувствительностію, обнимаетъ одну изъ нихъ, и бросясь на колѣни, говоритъ съ жаромъ*). Здѣсь пролила я первыя радостныя слезы—Боже мой!— благодарю Тебя!

Эрлахъ (*про себя, опершись на трость подбородкомъ*). Видно она здѣсь нашла его.

Эмма. Пламенныя мои желанія исполнились.

Эрлахъ. Пламенныя желанія.—Пристало ли такъ говорить дѣвушкѣ?

Эмма. Какъ я теперь буду щастлива!

Эрлахъ. Это еще сомнительно.

Эмма. Надобно забыть всѣ прошедшія бѣдствія.

Эрлахъ. И меня тутъ же!

Эмма (*встаетъ*). Теперь пойти сыскать добраго Эрлаха.

Эрлахъ. Наконецъ дошла очередь и до меня.

Эмма. Какъ онъ обрадуется!

Эрлахъ. Сомнѣваюсь.

Эмма (*оборачивается и увидя Эрлаха, вскрикиваетъ*) Ахъ! вы здѣсь?

Эрлахъ (*сухо, не вставая съ мѣста*). Да — здѣсь!

Эмма (*шутя*). Вы меня подслушивали?

Эрлахъ. Это не мое дѣло!

Эмма. Знаете ли вы?...

Эрлахъ. Знаю.

Эмма. Сказывалъ ли вамъ Совѣтникъ, что —

Эрлахъ. Сказывалъ.

Эмма. И вы не береше никакого участія въ моей радости?

Эрлахъ. О! великое — поздравляю васъ.

Эмма. Такъ сухо?

Эрлахъ. Я не умѣю льстить— Правду сказать— я желалъ бы ранѣе узнать объ этомъ.

Эмма. Ранѣе? — какъ — это не отъ меня зависѣло.

Эрлахъ. За чемъ вы меня давича выслали — то, что вы съ нимъ говорили по секрету— очень ясно.

Эмма. Я васъ не понимаю.

Эрлахъ. Это всегда такъ бываетъ — дружба пишетъ права свои на сердцѣ, такъ какъ я слова на этомъ пескѣ — стоитъ только дунуть любви — и все пропало.

Эмма. Не ужли вы почитаете эту любовь за порочную?

Эрлахъ. Какая мнѣ въ томъ нужда — я не препятствую вашему выбору.

Эмма. Моему выбору?

Эрлахъ. Вы его любите— онъ человѣкъ разумной— богатой — скромной.

Эмма. Онъ—его—что это значитъ? Мы вѣрно другъ друга не понимаемъ.

Эрлахъ Я очень понимаю — Совѣтникъ сказалъ мнѣ наотрѣзъ, что дѣло съ Господиномъ ф. Хигелемъ кончено.

Эмма. Правда.

Эрлахъ. Чегожъ тебѣ еще?

Эмма. Это до меня совсѣмъ не касается.

Эрлахъ Не касается?... странно!

Эмма Мы росли вмѣстѣ съ Вильгельминою и любимъ другъ друга какъ сестры, такъ какъ же мнѣ не радоваться ея щастію.

Эрлахъ. А ей какое тутъ дѣло?

Эмма. Да вѣдь она идетъ замужъ?

Эрлахъ Дурачить что ли ты меня вздумала?

Эмма. Боже сохрани!

Эрлахъ. Ты говорилъ съ фонъ Хигелемъ....

Эмма. По прозьбѣ Вильгельмины....

Эрлахъ. Въ самомъ дѣлѣ?—не ужели это правда? — Отъ чего же ты бросилась на колѣни передъ липами съ такимъ восторгомъ. Одно дружество не можетъ привести въ такое восхищеніе—Ахъ! — какъ щастливъ тотъ человѣкъ, котораго ты любишь!

Эмма. Какъ вамъ пришло это въ голову?

Эрлахъ. Самымъ обыкновеннымъ образомъ — Боже мой!—я совсѣмъ разстроенъ — а! — нѣмъ лучше — Солдатъ,

стоя въ огнѣ, забываетъ всю опасность.

Эмма. Вы говорите непонятно.

Эрлахъ. Скажи еще полслова — и я все тебѣ растолкую.

Эмма. Ваша холодность—ваше изумленіе — вашъ восторгъ — хорошо, что мы безъ свидѣтелей.

Эрлахъ. Почему?

Эмма (*шутя*). Потому, что они могли бы пристыдить васъ — и почесть влюбленнымъ.

Эрлахъ. Пристыдить?— ты правду говоришь — это очень стыдно въ мои лѣта.

Эмма. Скажите лучше при вашихъ правилахъ.

Эрлахъ. Однакожъ прошу надо мной не смѣяться.

Эмма. Какъ я смѣю.

Эрлахъ. Кто стыдится оставить пустыя правила — тотъ подверженъ ложному стыду. Скажи мнѣ, не замѣтила ли ты чего?...

Эмма. О чемъ вы говорите?

Эрлахъ. Такъ ты ничего не замѣтила?

Эмма. Нѣтъ.

Эрлахъ. Я сдѣлалъ великую глупость.

Эмма. Вы? какую?

Эрлахъ. Отгадай.

Эмма. Какъ мнѣ можно отгадать.

Эрлахъ. Попробуй — мнѣ также трудно сказать это, какъ и тебѣ догадаться.

Эмма. Естьли бы я была тщеславна—

Эрлахъ. То....

Эмма. То подумала бы....

Эрлахъ. Что — что такое? —

Эмма. Вы станете надо мною смѣяться?

Эрлахъ. Мнѣ теперь не до смѣху — чортъ меня возьми — совсѣмъ не до смѣху.... скажи, что бы ты подумала, естьли бы была тщеславна?—

Эмма. Что вы.... Но простите меня —

Эрлахъ. Говори скорѣе — я все прощаю.

Эмма. Что вы въ меня влюблены.

Эрлахъ. Уфъ! — на силу сказала.

Эмма. Теперь я позволяю вамъ надъ собою смѣяться —

Эрлахъ. А я тебѣ позволяю быть тщеславною— понимаешь? —

Эмма. Только тщеславною? . . . — Ахъ, нѣтъ! — любовь благодѣтеля моего даетъ мнѣ право даже гордиться.

Эрлахъ. Твоему благодѣтелю столько же мало будетъ прибыли отъ гордости, какъ и отъ тщеславія—Не говори объ этомъ болѣе — я не хочу слушать — однакожъ естьли ты думаешь, что чѣмъ нибудь мнѣ должна, такъ разочтемся?

Эмма. Я очень бѣдна.

Эрлахъ. Кто не хочетъ заплатить, тотъ обыкновенно отговаривается бѣдностію. Ты хороша—добра—разумна, и при всемъ томъ не стыдишься говорить, что ты бѣдна!

Эмма. За это я единственно вамъ обязана.

Эрлахъ. Не о томъ дѣло—ты не хочешь меня понимать—я для тебя слишкомъ старъ— простъ— говори прямо.

Эмма. Это похоже на —

Эрлахъ. На сватовство — на силу догадалась.

Эмма (*помолчавъ*). Вы дѣлаете нынѣшней день самымъ достопамятнымъ въ моей жизни.

Эрлахъ Скажи скорѣе — да — или нѣтъ.

Эмма. Я васъ почитаю —

Эрлахъ. И больше ничего?

Эмма. Дѣвушкѣ не льзя сказать болѣе — Естьли бы вы давича не помѣшали мнѣ говорить, то давно бы узнали, что есть еще человѣкъ, которой раздѣляетъ съ вами право на мое сердце.

Эрлахъ. Это не мое дѣло.

Эмма. И что вамъ надобно объ этомъ поговорить съ моей матушкой.

Эрлахъ. Съ твоей матерью?...

Эмма. Она сестра вашего друга — которая за нѣсколько лѣтъ уѣхала съ мужемъ своимъ въ Америку и тамъ въ одну бѣдственную ночь лишилась дому, имѣнія и дочери.

Эрлахъ Какъ?

Эмма. Эта дочь называлась Амалія Моро— та самая, которую одинъ добродушной человѣкъ вытащилъ изъ подъ развалинъ— которая въ ребячествѣ забавлялась его мундиромъ, и которая съ того времени, какъ стала помнить себя— прославляетъ своего благодѣтеля — Много бы нашлось такихъ, которые избавивши меня отъ смерти,

оставили бы на произволѣ судьбы — но одинъ только въ своемъ родѣ былъ такой, которой взялъ меня къ себѣ и раздѣлялъ со мною восемь лѣтъ малое свое жалованье — О! онъ превосходитъ всякую похвалу; его поступокъ выше всякаго геройства, для совершенія котораго потребна одна минута — Самыя благородныя дѣла не всегда бываютъ самыя блистательныя — величайшая жертва, сдѣланная въ одно мгновеніе, гораздо менѣе самой посредственной, которая продолжалась цѣлыя восемь лѣтъ.

Эрлахъ (*которой во время ея рѣчей явно обнаруживалъ свою нетерпѣливость*) Ну — все ли?

Эмма. Нѣтъ, еще — (*съ чувствомъ*) Нѣтъ, другъ мой — благодѣтель — братъ мой! —

Эрлахъ. Братъ? — понимаю.

Эмма. Нѣтъ — вы не понимаете — Естьлибъ сердце мое было занято, то я сказала бы вамъ со вздохомъ: благородной человѣкъ — я о тебѣ сожалѣю, но любить не могу — однакожъ, слава Богу — я свободна — Почтеніе, привязанность, дружество и благодарность

сливаются теперь вмѣстѣ и производятъ любовь.

Эрлахъ. Эмма! не уже ли это правда?

Эмма. Разговаривая съ вами, я не боюсь проговориться — Ваше предложеніе меня не удивило — горестная холодность, съ какою вы меня оставили, когда я искала и нашла фонъ Хигеля, открыла мнѣ то, чего можетъ быть вы и сами не знали. Сердце у меня билось отъ радости, когда я мечтала, что могу чемъ нибудь заплатить моему благодѣтелю, и посвятить жизнь, которою ему обязана, его удовольствію. Это льстивое воображеніе произвело во мнѣ надежду и желаніе— Теперь, сударь — оставя всѣ церемоніи — оставя ложной стыдъ, скажу вамъ, что если вы довольны будете невиннымъ и чувствительнымъ сердцемъ, которое полагаетъ всю свою славу въ томъ, чтобъ сдѣлаться васъ достойнымъ — то я согласна быть вашею женою.

Эрлахъ (*хватаетъ ее руку съ восхищеніемъ*). Эмма! Эмма! — что ты изъ меня дѣлаешь?—Я въ состояніи бы броситься передъ тобою на колѣни, если бы прежде не смѣялся надъ этимъ такъ

часто—Посмотри на меня— я хочу говорить — и не могу: сдѣлался нѣмымъ передъ дѣвчонкой, которая за восемь лѣтъ была не выше этаго кусточка!.... Но дѣло кончено— ты моя жена— моя добрая — любезная жена! — Теперь-то надо мною будутъ смѣяться... Ха! ха! ха! я и самъ смѣюсь. Пустъ ихъ смотрятъ и скрываютъ свою зависть подъ коварною улыбкою. Она моя — моя — Ну, теперь хоть повѣсьтесь, я поѣду въ Швейцарію и стану тамъ такъ веселиться, что даже и на Альпійскихъ горахъ пѣсни мои будутъ слышны — потому что я никогда еще не чувствовалъ такого удовольствія — (*Взявши руку ее къ себѣ подъ мышку, говоритъ скоро*). Да—да—мы купимъ деревеньку на Альпійскихъ долинахъ, гдѣ бы солнце освѣщало нашу хижину, благовонныя травы испускали цѣлебныя испаренія — и розы цвѣли, такъ какъ онѣ цвѣтутъ на щекахъ твоихъ — станемъ тамъ плясать съ добросердечными пастухами — Виватъ Эрлахъ — и добрая жена его!!... (*Поднимаетъ ее къ верьху и вертитъ кругомъ*).

Эмма. Пустите — матушка идетъ.

Эрлахъ. Машь—чуть было я объ ней не позабылъ — Такъ это правда? Я не буду спрашивать, какъ ты нашла ее. Теперь мнѣ кажется, будто мы съ тобою одни только на свѣтѣ.

Эмма. Попросимъ у нее благословенія.

Эрлахъ. Съ охотою—(*Бросаетъ шляпу и трость; беретъ Эмму на руки и несетъ на встрѣчу къ матери*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Гжа. МОРО и ПРЕЖНІЕ.

Эрлахъ. Матушка! — благословите насъ!

Эмма. Матушка! — этотъ человѣкъ мой избавитель — мой благодѣтель — и если ли вы позволите — мой супругъ.

Гжа. Моро. Такъ я ему обязана единственнымъ утѣшеніемъ моей жизни?

Эрлахъ. Что объ этомъ говорить? — Я довольно награжденъ за все— мы съ нею разочлись. —

Эмма. Онъ хочетъ на мнѣ жениться.

Гжа. Моро. Боже мой! сколько радостей въ одинъ день!— Дочь моя!—я съ охотою даю тебѣ мое благословеніе — слѣдуй движеніямъ твоего сердца.

Эрлахъ (*обнимая Эмму*). Поди ко мнѣ —матушка насъ благословила—а естьли мы будемъ жить честно и согласно, то и самъ Богъ благословитъ насъ.

Гжа. Моро. Знаетъ ли объ этомъ братъ мой?

Эрлахъ. Нѣтъ — я и самъ не зналъ этаго за четверть часа—Браво! Флахсландъ мнѣ дядя!—О! естьли такъ, то пусть онъ надо мною смѣется—сколько хочетъ, я не скажу ни слова. Поди ко мнѣ, Эмма!—не бойся ничего — ты можешь итти смѣло на встрѣчу насмѣшникамъ.

Эмма. Чего же намъ стыдиться?

Эрлахъ. Мнѣ надобно стыдиться того, что я тридцать два года былъ дуракомъ — а тебѣ, что ты приняла трудъ этаго дурака исправить. (*Хочетъ итти съ нея взявшись за руки, и встрѣчается съ фонъ Хигелемъ и Вильгельминою*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, ВИЛЬГЕЛЬМИНА и фонъ ХИГЕЛЬ (*идутъ взявшись за руки къ нимъ на встрѣчу — обѣ пары останавливаются одна противъ другой и не даютъ другъ другу дороги*).

Эрлахъ. Кто идетъ?

Вильгел. Пріятели.

Эрлахъ. Что пароль?

Вильгел. Амуръ и Гименей.

Эрлахъ. Браво! все соединяется — это мое дѣло.

Вильгел. Какъ, сударь? прежде это было совсѣмъ не ваше дѣло.

Эрлахъ. Прежде — а не теперь.

Вильгел. Женидьба, самой старинной обычай — По чести, вы стоите съ Эммою какъ женихъ съ невѣстою.

Эрлахъ Точно — Лафатеръ забылъ написать физіономію жениха — но дѣвушка узнаетъ его съ перваго взгляда.

Вильгел. Эмма! — кто бы могъ подумать, что человѣкъ, которой тебя такъ крѣпко обнимаетъ, былъ твой воспитатель.

Эрлахъ. Какой воспитатель? — я

женихъ ее—Ну, смѣйтесь—смѣйтесь—я ужъ къ этому приготовился.

Вильгел. Не уже ли это правда? — Сестрица—ты не говоришь ни слова.

Эрлахъ. Что ей говорить—она сказала — да: этаго и довольно.

Вильгел. Иногда слишкомъ много— Тетушка и вы на то согласны?

Эрлахъ. Для чегожъ и не согласиться, а? ....

Вильгел. Для того, что вы всегда были ненавистникомъ женщинъ.

Гжа. Моро. Тѣмъ больше чести для Эммы.

Вильгел. И самымъ суровымъ воиномъ.

Эрлахъ. Это не мѣшаетъ.

Вильгел. Безпрестанно ворчали и бранились.

Эрлахъ. Богъ видитъ мое сердце.

Вильгел. Онъ только одинъ и можетъ видѣть.

Эрлахъ. Да, другая Эмма. (*Прижимаетъ руку ее къ груди съ горячностію*). Не правда ли? а? ты видишь мое сердце?

Эмма. Оно бьется для меня.

Вильгел. Жаль мнѣ тебя, сестрица! — ты совсѣмъ пропала.

Эрлахъ. Пусть она говоритъ, что хочетъ.

Вильгел. Господинъ Эрлахъ второй Цесарь— пришелъ — взглянулъ и — побѣдилъ.

Эмма. Я давно его знаю.

Вильгел. А онъ тебя?

Эрлахъ. Естьли искра попадетъ въ пороховую бочку, то она тотчасъ взлетитъ на воздухъ.

Вильгел. Право?—я еще и не знала, что мужескія сердца похожи на пороховыя бочки—Такъ и быть—если дѣло сдѣлано, то пособить ужъ нѣчемъ — остается отдать вамъ низкой поклонъ и сказать — это никуда не годится.— Эмма, поди сюда — (*Беретъ ее за голову и цѣлуетъ*). Понимаешь?

Ф. Хигель (*подавая Эрлаху руку*). Я радуюсь, сударь, отъ всего сердца....

Эрлахъ (*пожимая его руку*). Вѣрю—вѣрю—вотъ мой отвѣтъ — этому языку научился я въ школѣ честности — Ну, друзья—когдажъ будетъ наша свадьба?

Ф. Хигель. Я думаю завтра.

Эрлахъ. Для чегожъ не нынче?

Эмма. Черезъ мѣсяцъ.

Вильгел. Черезъ годъ.

Ф. Хигель. Ктожъ насъ разсудитъ?

Вильгел. Тетушка.

Гжа. Моро. Берегись — я беру всегда слабую сторону.

Вильгел. Такъ — это мы.

Эрлахъ. Нѣтъ—мы.

Ф. Хигель. По крайней мѣрѣ, какъ невѣсты —

Гжа. Моро. Спросите у брата—вотъ онъ идетъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ V.

СОВѢТНИКЪ и ПРЕЖНІЕ.

Вильгел. (*бѣжитъ на встрѣчу*). Батюшка! — у васъ въ саду теперь самое странное повѣтріе — всѣ хотятъ жениться.

Совѣтн. Тѣмъ лучше.

Вильгел. Даже и нашъ философъ — ненавистникъ женщинъ. . .

Эрлахъ. Изрядные титулы!

Вильгел. Цѣлые тридцать лѣтъ собиралъ онъ въ голову холодныя сентенціи — и вдругъ одинъ взглядъ пригожей дѣвушки ихъ разсѣялъ.

Совѣтн. Тѣмъ лучше.

Эрлахъ. Дядюшка! — естьли вамъ это не противно —

Совѣтн. Сказать правду, племянничекъ—ты не совсѣмъ достоинъ этаго щастія.

Эрлахъ. Испанцы ѣздили въ Америку за золотомъ — а я привезъ оттуда гораздо лучшее сокровище.

Совѣтн. Сестрица— чтожъ ты ничего не говоришь?

Гжа. Моро. Мнѣ бы оставалось теперь только радоваться — но сынъ мой — сынъ!..

Эрлахъ. Сынъ!... Эмма!... не уже ли у тебя есть братъ?

Эмма. Дай Богъ, чтобъ я могла безъ стыда назвать его братомъ....

Эрлахъ. Кто онъ таковъ? гдѣ онъ?

Гжа. Моро. Перестаньте — сердце мое кровью обливается; я скажу объ этомъ послѣ.

Совѣтн. Правда твоя, сестрица — на что помрачать веселыя эти минуты жалобами— я самъ очень радъ, что наши вертопрахи всѣ разъѣхались.

Вильгел. Маминька сказала, что у ней заболѣла голова — и они одинъ за другимъ разсыпались.

Совьтн. Да гдѣ она?

Вильгел. Заперлась въ своей комнатѣ.

Совьтн. Отъ насъ — что это значитъ?

Эрлахъ. Бьюсь объ закладъ, что не худое.

Гжа. Моро. Она приняла меня очень ласково — и казалась почти внѣ себя отъ радости.— Небо еще заранѣе меня награждаетъ, говорила она; однакожъ, любезная сестра— оставь меня на нѣсколько времени — я скоро приду обнять тебя, и надѣюсь, что буду достойна этаго щастія.

Совьтн. Странная загадка!

Эрлахъ. Что дашь — я тебѣ ее растолкую.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ИВАНЪ и ПРЕЖНІЕ.

Иванъ (*со слезами*). Ахъ, сударь!

Совьтн. Что тебѣ сдѣлалось?

Иванъ. Я служу у васъ цѣлые пятьдесятъ лѣтъ.

Совьтн. Такъ чтожъ?

Иванъ. Я еще работывалъ здѣсь въ саду прежде, нежели вы родились — правда я тогда былъ малъ и глупъ, и не рѣдко выпалывалъ петрушку, а оставлялъ крапиву.

Совѣтн. Это и взрослые часто дѣлаютъ — Скажи, о чемъ ты плачешь?

Иванъ. Я боюсь, чтобъ и меня также, какъ крапиву, не выкинули отсюда. Вы знаете, сударь, что я хоть и не персиковое дерево, однакожъ и не крапива.

Совѣтн. Да кто же тебя трогаетъ?

Иванъ. До этихъ поръ, благодарю Бога, никто не трогалъ — но естьли начнутъ рубить деревья одно за другимъ, то когда нибудь придетъ очередь и до меня. Мусье Розанъ, нашъ парикмахеръ — мастеръ Бифштикъ, берейторъ — Сеньйоръ Макерони, кухмистеръ — и Ванстманъ приворотникъ, теперь отпущены.

Совѣтн. Какъ отпущены.

Эрлахъ. А! а!

Иванъ. Одного за другимъ спрашивали ихъ къ барынѣ — тамъ получили они заслуженныя деньги и вмѣстѣ отпускъ. Теперь послали къ ней глупую

французскую мамзель, и какъ ее отпустятъ, то можетъ быть примутся и за меня. Подумайте, сударь— я старое дерево, которое не льзя ужъ пересаживать: да у меня же есть и отростки, куда имъ дѣваться?

Совѣтн. Не печалься — ты носилъ меня на рукахъ въ моемъ ребячествѣ, и помогалъ доставать птичьи гнѣзды— пока я буду живъ, то у тебя гнѣзда твоего никто не отнимаетъ.

Иванъ. Благодарствую, мое гнѣздо никому не мѣшаетъ.

Совѣтн. Но я все еще не понимаю.....

Эрлахъ. Готчасъ поймешь. — Вотъ идетъ твоя жена — Ступайте всѣ отсюда— здѣсь будетъ происходить сцена, которая не требуетъ свидѣтелей. Пойдемъ посмотримъ, не отпущены ли музыканты; — жаль, если это сдѣлано—мнѣ хотѣлось сего дня поплясать — (*Подаетъ Госпожѣ Моро руку; прочіе слѣдуютъ за ними*).

Иванъ. Жена моя сидитъ теперь въ углу и плачетъ—пойти сказать ей: не плачь, старуха! пока мы живы, то

всегда будетъ здѣсь расти для насъ хочень капусты (*уходитъ*).

(*Совѣтникъ останавливается въ глубокомъ размышленіи и почти не примѣчаетъ, что остался одинъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СОВѢТНИКЪ и СОВѢТНИЦА (*въ простомъ домашнемъ платьи подходитъ къ мужу потихоньку и кладетъ руку на его плечо*).

Совѣтн. Ахъ, другъ мой!—я только что о тебѣ думалъ.

Совѣтница. И былъ такъ невеселъ?

Совѣтн. Одинъ твой взглядъ въ состояніи разгладить всѣ морщины, выключая тѣхъ, которыя наводитъ старость.

Совѣтница. Домашнее спокойствіе и самую старость освѣжить можетъ.

Совѣтн. По этому я теперь похожъ на двадцатилѣтняго человѣка.

Совѣтница. Ты меня обманываешь.

Совѣтн. Какъ! не ужли ты сомнѣваешься въ любви моей?

Совѣтница. Нѣтъ— но для счастія супружества одной любви недовольно?

Совѣтн. Недовольно?

Совѣтница. Любовь украшаешъ весну нашей жизни— а супружество украшаетъ лѣто. Но кто позабылъ весною посѣять сѣмена довѣренности — тотъ не можетъ ждать осенью плодовъ семейственнаго щастія.

Совѣтн. Къ чему клонится эта поэзія?

Совѣтница. Поэзія ни что иное, какъ горничная служанка истины — и должна всегда одѣвать ее.

Совѣтн. Я отъ тебя охотно буду слушать и неодѣтую истину.

Совѣтница. Покорно благодарю! ты теперь въ духѣ хвалить меня; такъ пожалуй отвѣчай мнѣ на одинъ вопросъ: — какова я тебѣ кажусь въ этомъ платьи?

Совѣтн. Въ этомъ простомъ — но опрятномъ платьи ты мнѣ очень мила.

Совѣтница. Лучше ли обыкновеннаго?

Совѣтн. Въ моихъ глазахъ гораздо лучше.

Совѣтница. Для чегожъ ты даришь

меня каждой день тафтою и атласомъ? для чего заставляешь подражать всѣмъ модным глупостямъ?...

Совѣтн. Ты ѣздишь въ большія собранія.

Совѣтница. Развѣ мнѣ непремѣнно надобно ѣздить въ собранія?

Совѣтн. Для твоего удовольствія —

Совѣтница. Кто тебѣ сказалъ, что я больше нахожу удовольствія въ собраніяхъ, нежели съ тобою?—Это простое неглиже гораздо лучше ко мнѣ пристало, нежели какое нибудь модное платье — это для тебя — другой... (*лукаво*) въ этѣ фалды не будетъ набиваться пыль ревности.

Совѣтн. Ревности? — я не думаю, чтобы ты почитала меня къ этому способнымъ.

Совѣтница. Для чегожъ не такъ, естьли ты меня любишь.

Совѣтн. Моя довѣренность —

Совѣтница. То-то и худо — ахъ другъ мой!—ты притворяешься, будто во всемъ мнѣ вѣришь, а въ самомъ дѣлѣ мучишься—Не правду ли я сказала, что одной любви для щастія супружества не довольно?

Совѣтн. (*въ задумчивости*). Ты меня обижаешь.

Совѣтница. Нѣтъ — я все знаю, и не хочу требовать отъ тебя признанія: болячку надобно лечить, не раздражая ее — Однако же позволь себѣ сказать, что ты самъ принудилъ меня быть знакомою съ большимъ свѣтомъ — ты самъ открылъ ко мнѣ дорогу этимъ куклямъ и вертопрахамъ. — Ты боялся, что молодая твоя жена соскучится сидѣть съ тобою дома — это былъ ложной страхъ; я въ удовольствіе твое ѣздила по гостямъ, а ты терзался и не хотѣлъ мнѣ открыться — это былъ ложной стыдъ — У мужа съ женою не должно быть никакихъ секретовъ. Тебѣ бы стоило сказать полслова, и я, немного посмѣявшись, пожертвовала бы охотно этой бездѣлкою твоему покою — О! какъ часто разрываются супружескіе союзы потому только, что мужъ и жена не имѣютъ другъ къ другу взаимной довѣренности!... Какъ часто возгарается ужасной пожаръ отъ того, что мужъ и жена не умѣютъ, или не хотятъ погасить первоначальной искры!

Совѣтн. (*заключая ее въ свои объятія*). Любезная супруга, прости меня!...

Совѣтница. Я тебя прощаю, только съ условіемъ, что ты впередъ одинъ ничего дѣлать не будешь; естьли ты станешь писать, то стану я сидѣть подлѣ тебя съ работаю — а когда ты ничемъ не занимаешься, то будемъ разговаривть.

Совѣтн. Благородная душа! — ты награждаешь меня, вмѣсто того, чтобъ наказывать.

Совѣтница. О! я тебѣ выдумала и наказаніе— ты любишь жить въ городѣ, а я въ деревнѣ — въ продолженіи трехъ лѣтъ были мы тамъ только однажды: это непростительно — и за это долженъ ты тамъ прожить со мною цѣлое лѣто.

Совѣтн. Каролина! — этаго ужъ слишкомъ много!

Совѣтница. Чтожъ дѣлать—сверхъ того тебѣ надобно будетъ довольствоваться простымъ домашнимъ столомъ, потому что я отпустила кухмистера.

Совѣтн. Сказываютъ, что ты сдѣлала въ домѣ великую перемѣну?

Совѣтница. Тебѣ правду сказали.

Совѣтн. Это для тебя же будетъ безпокойнѣе.

Совѣтница. За то я буду гораздо довольнѣе — Ахъ, другъ мой — и я должна была узнать отъ посторонняго человѣка — что роскошъ и излишество, въ которыхъ я почти утопала — стоили тебѣ спокойствія — что я окрадывала дѣтей твоихъ — и тратила на пустое препровожденіе времени похищенныя у нихъ деньги.

Совѣтн. Конечно Эрлахъ —

Совѣтница. Благодарю Бога! что онъ послалъ его сюда — для моего избавленія — безъ него можетъ быть опомнилась бы я слишкомъ поздно! — Еще разъ повторяю тебѣ, что этому причиною твоя недовѣрчивость. Ты думалъ, что женщины не умѣютъ цѣнить доброты души, и смотрятъ на одно богатство! Научись лучше знать ихъ — Женщина гораздо болѣе гордится хорошимъ мужемъ, нежели брилліянтами — и — будучи имъ уважаема, лучше согласится ходить пѣшкомъ, нежели нося его презрѣніе, безъ

дить въ великолѣпномъ фаэтонѣ и составлять зрѣлище для народа.

Совѣтн. (*бросается къ ногамъ ея*). Каролина!

Совѣтница (*съ улыбкою*). Другъ мой! въ первой разъ принуждена я напомнить, что тебѣ сорокъ лѣтъ—и неприлично стоять на колѣняхъ.

Совѣтн. Я не зналъ тебя!— прости меня!

Совѣтница (*поднявши его обнимаетъ*). Теперь все кончено! мы ѣдемъ въ деревню — не правда ли? и чрезъ нѣсколько лѣтъ расточительность моя тамъ загладится — О! какъ часто разстроивается хозяйство, естьли мужъ стыдится открыть женѣ своей истинное свое положеніе! Теперешній мой опытъ такъ убѣждаетъ меня въ этой печальной истинѣ, что я въ состояніи сказать въ самомъ большомъ собраніи каждому отцу семейства—будь откровененъ съ женой своей; можетъ быть ты стоишь на краю пропасти—и одно признаніе можетъ спасти тебя—брось ложной стыдъ, слѣдствіе тщеславія и суетности—откройся женѣ своей, сво-

ему другу — и ты найдешь утѣшеніе для прошедшаго, совѣтъ и помощь для будущаго.

Совѣтн. Какая непонятная сила заставляетъ тебя такъ говорить?

Совѣтница. Я была бы самая обыкновенная женщина, если бы любовь и должность не могла одушевить меня.

Совѣтн. Мнѣ должно почти стыдиться, что двадцати-пяти-лѣтняя женщина даетъ такіе уроки пожилому человѣку — но это былъ бы ложной стыдъ, — которой я намѣренъ истребить навсегда изъ моего сердца. Съ этаго времени ты будешь знать всѣ мои помышленія, даже и тѣ, въ которыхъ бы я никому не признался—Есть-ли проклятой ложной стыдъ станетъ меня удерживать, то я тотчасъ вспомню давишнія твои слова, что ты надо мною посмѣешься — и — простишь.

Совѣтница Боже! благодарю тебя! все кончилось — и супругъ мой меня любитъ! онъ теперь опять мой!

Совѣтн. До самой смерти. Но любезная Каролина — не думай, чтобы мои обстоятельства были совсѣмъ худы, и что ты на вѣкъ должна за-

ключить себя въ деревнѣ — я еще довольно богатъ.

Совѣтница. Заключить себя? Не уже ли наслажденіе природою и самимъ собою можно назвать заключеніемъ?

Совѣтн. Можетъ быть ты не привыкла къ уединенію?

Совѣтница. Жена, во угожденіе мужу, столь же легко можетъ перемѣнить образъ жизни, какъ и модное платье. Прежде думала я, что одни только большія шляпы ко мнѣ пристали, и чѣмъ онѣ болѣе были, тѣмъ лучше — а теперь это кажется мнѣ очень смѣшно, и я люблю маленькія шляпки. То же самое будетъ и съ деревенскимъ житьемъ — Естьли я проживу тамъ одинъ мѣсяцъ, то городскія забавы потеряютъ для меня всю пріятность.

Совѣтн. И такъ ты рѣшилась?

Совѣтница. Вотъ тебѣ моя рука.

Совѣтн. Я принимаю ее съ восхищеніемъ.

Совѣтница. Единственное наше удовольствіе будетъ состоять въ хозяйствѣ.

Совѣтн. А спокойствіе въ нѣдрѣ семейства.

Совѣтница. И въ объятіяхъ любви.

Совѣтн. Оно станетъ подкрѣплять-ся дружествомъ.

Совѣтница. Увеличиваться прелестями природы.

Совѣтн. Не будетъ нарушаться ложнымъ стыдомъ.

Совѣтница. Напротивъ того станетъ усиливаться взаимною довѣренностію!

Совѣтн. (*обнимаетъ ее*). Она никогда изъ сердца нашего не истребится.

Совѣтница. Никогда.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЭРЛАХЪ и ПРЕЖНІЕ.

Эрлахъ (*съ жаромъ*). Мерзавецъ! я бы дорого заплатилъ, естьли бы кто сломилъ ему голову.

Совѣтн. Кому это?

Эрлахъ. Я чуть было самъ не прибилъ его.

Совѣтн. О комъ ты говоришь?

Эрлахъ. О Викомтѣ де Мальякѣ— любезномъ моемъ шуринѣ.

Совѣтн. (*съ удивленіемъ*). Онъ твой шуринъ? . . .

Эрлахъ. Этотъ бездѣльникъ имѣетъ честь быть братомъ моей Эммѣ — и стыдиться своей матери! Теперь только съ обыкновеннымъ своимъ безстыдствомъ прилетѣлъ онъ въ садъ— и Госпожа Моро, увидѣвши его, вскричала: сынъ мой! — И камень тронулся бы этимъ голосомъ! . . . Повѣса остолбенѣлъ, казался, будто испугался — но безстыдство его и тутъ не оставило. — Ошибаетесь, сударыня, проворчалъ онъ сквозь зубы — Мы удивились, и стали объяснять ему это дѣло, каждой по своему — Эмма называла его братомъ—а я—бездѣльникомъ. Между тѣмъ мать стояла поднявши руки и ожидала одного только слова, чтобъ броситься въ его объятія— Я хотѣлъ — продолжалъ этотъ негодяй, вступить въ родство съ фамиліею Флахсландъ; но естьли не осталось къ тому другаго способа, кромѣ этаго. . . то —тутъ пожалъ онъ плечами, извился змѣею и выскочилъ вонъ. Государь мой! — кричалъ я ему въ слѣдъ — изъ всѣхъ родовъ ложнаго стыда самой худшій

тотъ, которой заставляетъ презирать бѣдныхъ своихъ родственниковъ потому только, чтобъ не подвергнуть себя насмѣшкамъ какихъ нибудь модныхъ повѣсъ.

Совьтн. Бѣдная сестра! — гдѣ она?

Эрлахъ. Вотъ она идетъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Гжа. МОРО, фонъ ХИГЕЛЬ, ВИЛЬГЕЛЬМИНА, ЭММА и ПРЕЖНІЕ.

Совьтн. (*идучи къ ней на встрѣчу*). Сестрица!...

Гжа. Моро. Сдѣлай милость, не говори объ немъ болѣе—и вы не говорите — вы станете его обвинять, а мнѣ нельзя сказать ни слова въ оправданіе. Этаго ужъ слишкомъ много — Ахъ! лучше бы онъ умеръ въ колыбели! я могла бы тогда сказать—что лишилась добраго сына!

Эмма (*ласкаясь къ ней*). У васъ и такъ двое дѣтей!

Гжа. Моро. О потерянномъ всегда жалѣютъ больше.

Совьтн. На свѣтѣ не льзя прожить безъ огорченія.

Гжа. Моро. Я не буду роптать — Богъ наградилъ меня довольно за эту потерю — Ахъ! что я была за нѣсколько часовъ передъ этимъ!— Обоймите меня, любезныя дѣти! (*обнимаетъ Эрлаха и Эмму и приклонлетъ голову къ ее груди*).

Эрлахъ. Матушка! вотъ вамъ моя рука: я замѣняю этаго повѣсу.

Совѣтница. Что это? нашъ ненавистникъ женщинъ исправился?

Вильгельм. Скорыя исправленія не всегда бываютъ надежны.

Эрлахъ. Знайте, сударыня, что любовь дѣлаетъ изключеніе изъ всѣхъ правилъ.

Вильгельм. Кто прежде такъ проклиналъ женщинъ —

Ф. Хигель. Женщинъ—ане Ангеловъ.

Эрлахъ. Браво — браво! любезный другъ!

Вильгел. (*фонъ Хигелю*). Послушайте, сударь, вы не должны теперь думать ни о комъ, кромѣ меня — и естьли вы нарушаете это, будучи женихомъ, такъ что изъ васъ будетъ, когда сдѣлаетесь мужемъ? Посмотрите на батюшку, онъ ужъ человѣкъ не мо-

лодой и женатъ около трехъ лѣтъ; а при всемъ томъ на матушку не наглядится.

Совѣтн. Старайся ей быть подобною — она сего дня сдѣлала меня щастливѣйшимъ человѣкомъ — Эрлахъ! радуйся! мы поѣдемъ въ деревню.

Эрлахъ. Въ доброй часъ.

Совѣтница (*мужу*). Ты за это его благодарить долженъ.

Эрлахъ. Не сказывайте.

Совѣтн. Друзья никогда не благодарятъ словами.

Эрлахъ. Станемте веселиться — теперь здѣсь все добрые люди! и сами ангелы моглибъ участвовать въ нашей радости — Вы давича довольно позабавились; а теперь пришла моя очередь пѣть и веселиться.

Конецъ четвертаго и послѣдняго дѣйствія.

AY -0 1943